

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 1 • 2025

Свидетельство о регистрации

Роскомнадзора ПИ № ФС 77-56617 от 26.12.2013

Редакционный совет:

Д. В. Зотов,

кандидат юридических наук, доцент (главный редактор)
(Воронежский гос. университет);

Ю. Н. Старилов,

доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);

Г. В. Стародубова,

кандидат юридических наук, доцент (зам. главного редактора)
(Воронежский гос. университет)

Редакционная коллегия:

В. А. Азаров, доктор юридических наук, профессор
(Омский гос. университет);

О. И. Андреева, доктор юридических наук, доцент
(Томский гос. университет);

М. Т. Аширубекова, доктор юридических наук, профессор
(Саратовская гос. юрид. академия);

М. О. Баев, доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);

А. С. Барабаш, доктор юридических наук, профессор
(Сибирский федер. университет);

О. В. Баулин, доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);

П. Н. Бирюков, доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);

О. Л. Васильев, доктор юридических наук, профессор
(Московский гос. университет имени М. В. Ломоносова);

А. С. Гамбарян, доктор юридических наук, профессор
(Российско-Армянский университет, Армения);

Л. В. Головко, доктор юридических наук, профессор
(Московский гос. университет имени М. В. Ломоносова);

С. И. Давыдов, доктор юридических наук, доцент
(Алтайский гос. университет);

А. Ю. Епихин, доктор юридических наук, профессор
(Казанский (Приволжский) федер. университет);

Е. Р. Ергашев, доктор юридических наук, профессор
(Уральский гос. юрид. университет);

З. З. Зинатуллин, доктор юридических наук, профессор
(Удмуртский гос. университет);

Г. С. Казинян, доктор юридических наук, профессор
(Ереванский гос. университет, Армения);

А. П. Кругликов, кандидат юридических наук, профессор
(Волгоградский гос. университет);

О. А. Малышева, доктор юридических наук, профессор (Московский гос. юрид. университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА));
Н. С. Манова, доктор юридических наук, профессор (Саратовская гос. юрид. академия);
Е. В. Марковичева, доктор юридических наук, профессор (Российский гос. университет правосудия);
В. А. Мещеряков, доктор юридических наук, профессор (Воронежский гос. университет);
Н. Г. Муратова, доктор юридических наук, профессор (Казанский (Приволжский) федер. университет);
Е. И. Носырева, доктор юридических наук, профессор (Воронежский гос. университет);
А. В. Победкин, доктор юридических наук, профессор (Академия управления МВД России);
Т. Б. Рамазанов, доктор юридических наук, профессор (Дагестанский гос. университет);
О. С. Рогачева, доктор юридических наук, доцент (Воронежский гос. университет);
С. Б. Россинский, доктор юридических наук, доцент (Институт государства и права РАН);
А. В. Руденко, доктор юридических наук, профессор (Кубанский гос. университет);
Т. К. Рябинина, доктор юридических наук, профессор (Юго-Западный гос. университет);
М. К. Свиридов, доктор юридических наук, профессор (Томский гос. университет);
И. В. Смолькова, доктор юридических наук, профессор (Байкальский гос. университет);
В. В. Трухачев, доктор юридических наук, профессор (Воронежский гос. университет);
Ю. В. Францифоров, доктор юридических наук, профессор (Саратовская гос. юрид. академия);
О. Н. Шеменева, доктор юридических наук, профессор (Воронежский гос. университет);
В. Б. Ястребов, доктор юридических наук, профессор (Московский гос. университет имени М. В. Ломоносова)

Учредитель:

Федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Воронежский
государственный университет»

Адрес учредителя:
394018 Воронеж, Университетская пл., 1

Адрес редакции, издателя:
394018 Воронеж, пл. Ленина, 10а, к. 810
E-mail: sudvl@mail.ru

Сайт журнала:

www.law.vsu.ru/sudvl

Подписной индекс:

94235 Объединенного каталога «Пресса России»

Ведущий редактор

Е. С. Котлярова

Формат 70×108/16. Уч.-изд. л. 7,7. Усл. п. л. 7,8

Тираж 100 экз. Заказ 610

Дата выхода в свет 24.12.2025

Издательский дом ВГУ

394018 Воронеж, пл. Ленина, 10

Отпечатано в типографии

Издательского дома ВГУ

394018 Воронеж, ул. Пушкинская, 3

© Воронежский государственный
университет, 2025

© Оформление, оригинал-макет.

Издательский дом ВГУ, 2025

JUDICIAL AUTHORITY AND CRIMINAL PROCESS

SCIENTIFIC JOURNAL

Nº 1 • 2025

Registration certificate ПИ № ФС 77-56617 от 26.12.2013

Editorial council:

D. V. Zotov,

candidate of legal sciences, associate professor, editor
(Voronezh State University);

Yu. N. Starilov,

doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

G. V. Starodubova,

candidate of legal sciences, associate professor, vice editor
(Voronezh State University)

Editorial board:

V. A. Azarov, doctor of legal sciences, professor
(Omsk State University);

O. I. Andreeva, doctor of legal sciences, professor
(Tomsk State University);

M. T. Ashirbekova, doctor of legal sciences, professor
(Saratov State Law Academy);

M. O. Baev, doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

A. S. Barabash, doctor of legal sciences, professor
(Siberian Federal University);

O. V. Baulin, doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

P. N. Biriukov, doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

O. L. Vasilyev, doctor of legal sciences, professor
(Lomonosov Moscow State University);

A. S. Ghambaryan, doctor of legal sciences, professor
(Russian-Armenian University, Armenia);

L. V. Golovko, doctor of legal sciences, professor
(Lomonosov Moscow State University);

S. I. Davidov, doctor of legal sciences, professor
(Altai State University);

A. Yu. Epihin, doctor of legal sciences, professor
(Kazan Federal University);

E. R. Ergashev, doctor of legal sciences, professor
(Ural State Law University);

Z. Z. Zinatullin, doctor of legal sciences, professor
(Udmurt State University);

G. S. Kazinian, doctor of legal sciences, professor
(Yerevan State University, Armenia);

A. P. Kruglikov, candidate of legal sciences, professor
(Volgograd State University);

O. A. Malysheva, doctor of legal sciences, professor (Kutafin Moscow State Law University (MSAL));

N. S. Manova, doctor of legal sciences, professor (Saratov State Law Academy);

E. V. Markovicheva, doctor of legal sciences, professor (Russian State University of Justice);

V. A. Meshcheryakov, doctor of legal sciences, professor (Russian State University of Justice);

N. G. Muratova, doctor of legal sciences, professor (Kazan Federal University);

E. I. Nosyreva, doctor of legal sciences, professor (Voronezh State University);

A. V. Pobedkin, doctor of legal sciences, professor (Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs Russian);

T. B. Ramazanov, doctor of legal sciences, professor (Dagestan State University);

O. S. Rogacheva, doctor of legal sciences, associate professor (Voronezh State University);

S. B. Rossinskiy, doctor of legal sciences, associate professor (Institute of State and Law of RAS);

A. V. Rudenko, doctor of legal sciences, professor (Kuban State University);

T. K. Ryabinina, doctor of legal sciences, professor (Southwest State University);

M. K. Sviridov, doctor of legal sciences, professor (Tomsk State University);

I. V. Smolkova, doctor of legal sciences, professor (Baikal State University);

V. V. Trukhachev, doctor of legal sciences, professor (Voronezh State University);

Yu. V. Franziforov, doctor of legal sciences, professor (Saratov State Law Academy);

O. N. Shemeneva, doctor of legal sciences, professor (Voronezh State University);

V. B. Yastrebov, doctor of legal sciences, professor (Lomonosov Moscow State University)

Founder: **Editorial address:**

Federal State Budget Educational Institution
of Higher Education
«Voronezh State University» 394018 Russia, Voronezh,
Lenin Sg., 10a, r. 810
E-mail: sudvl@mail.ru

Editorial founder: **Official site:**

394018, Voronezh, Universitetskaya pl., 1 www.law.vsu.ru/sudvl

© Voronezh State University, 2025
© Desin, original-model.
Publishing house of Voronezh State University,
2025

СОДЕРЖАНИЕ

7ЮРИДИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ: УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫЕ АСПЕКТЫ (МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОГО НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОГО КРУГЛОГО СТОЛА, ПОСВЯЩЕННОГО 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЮРИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА АСТАФЬЕВА (28.10.1964–14.04.2017), ВОРОНЕЖ, 1 НОЯБРЯ 2024 г.)
<i>Большаков К. А.</i> Установление основания уголовной ответственности за совершение налогового преступления	7
<i>Гаврилов Б. Я.</i> Подозреваемый-обвиняемый в российском уголовном процессе: законодателю пора поставить точку в затянувшейся научной дискуссии	11
<i>Гонгадзе М. Г.</i> Результаты осмотра места происшествия как основание для выдвижения версии о совершении преступления лицом, находящимся в состоянии кратковременного психического расстройства	16
<i>Карпова Г. С.</i> О формировании понятия обвинения в Российской Федерации.....	22
<i>Карташов И. И.</i> Уголовный процесс и оперативно-розыскная деятельность: прошлое, настоящее, будущее	28
<i>Краснова Л. Б.</i> Проблемы использования технологии искусственного интеллекта в уголовно-процессуальном исследовании преступлений.....	32
<i>Кожевников О. А., Зайцева И. И.</i> Нормативное регулирование прокурорского надзора за исполнением законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности.....	38
<i>Новожилов В. А.</i> К вопросу об оплате деятельности по психолого-педагогическому сопровождению уголовного судопроизводства с участием несовершеннолетнего	43
<i>Попаденко Е. В., Красильникова Е. В.</i> К вопросу об особенностях познавательного процесса в суде с участием присяжных заседателей	48
<i>Рябинина Т. К., Чистилина Д. О.</i> Теоретико-практический подход к определению предмета и пределов доказывания по уголовному делу.....	55
<i>Ряполова Я. П.</i> Соотношение уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности в стадии возбуждения уголовного дела в трудах Ю. В. Астафьева	60
<i>Саратова О. В., Красноперова Д. Е.</i> Теоретико-правовой анализ рассмотрения уголовного дела в России и Англии	65
<i>Цурлуй О. Ю.</i> Влияние нормативно-правового регулирования на криминалистическую профилактику	69
<i>Шадрина Е. Г.</i> К вопросу о необходимости познания и решения проблемы «двойной защиты» в уголовном судопроизводстве	75
<i>Шилова Д. А.</i> Из свидетеля в обвиняемого: проблема пределов преюдициальности приговора	80
87ИСКУССТВО И ПРАВОСУДИЕ
<i>Зотов Д.</i> Гендер Фемиды? Женский!.....	87

CONTENTS

7 **LEGAL COGNITION:
CRIMINAL-PROCEDURAL AND OPERATIVE-INVESTIGATIVE ASPECTS
(MATERIALS OF THE ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC AND PRACTICAL ROUND
TABLE DEDICATED TO THE 60TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF YURI
VASILYEVICH ASTAFIEV (28.10.1964–14.04.2017),
VORONEZH, NOVEMBER 1, 2024)**

Bolshakov K. A. Establishing the basis of criminal liability for committing a tax crime	7
Gavrilov B. Ya. Suspect-accused in Russian criminal proceedings: it is time for the legislator to put an end to the prolonged scientific discussion.....	11
Gongadze M. G. The results of the inspection of the scene of the crime as a basis for putting forward a version of the commission of a crime by a person in a state of short-term mental disorder.....	16
Karpova G. S. On the formation of the concept of prosecution in the Russian Federation	22
Kartashov I. I. Criminal procedure and operational investigative activities: past, present, future	28
Krasnova L. B. Problems of using artificial intelligence technology in criminal procedure study of crimes	32
Kozhevnikov O. A., Zaitseva I. I. Regulatory regulation of prosecutorial supervision over the execution of laws in the implementation of operational investigative activities	38
Novozhilov V. A. On the issue of payment for psychological and pedagogical support of criminal proceedings involving a minor	43
Popadenko E. V., Krasilnikova E. V. On the question of the features of the cognitive process in court with the participation of a jury.....	48
Ryabinina T. K., Chistilina D. O. Theoretical and practical approach to the definition of the subject and the limits of proof in a criminal case.....	55
Ryapolova Y. P. Correlation of criminal-procedural and operational-search activity at the stage of initiation of a criminal case in the works of Y. V. Astafiev.....	60
Saratova O. V., Krasnoperova D. E. Theoretical and legal analysis of the consideration of a criminal case in Russia and England	65
Tsurluj O. Yu. The impact of legal regulation on criminalistics prevention.....	69
Shadrina E. G. On the question of the need to understand and resolving the problem of "double protection" in criminal proceedings	75
Shilova D. A. From witness to defendant: the problem of the limits of the verdict's prejudice	80

87 **ARTS AND JUSTICE**

Zotov D. The gender of Themis? Female!	87
---	----

**ЮРИДИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ:
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И ОПЕРАТИВНО-
РОЗЫСКНЫЕ АСПЕКТЫ (МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОГО
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОГО КРУГЛОГО СТОЛА,
ПОСВЯЩЕННОГО 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ЮРИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА АСТАФЬЕВА
(28.10.1964–14.04.2017), Воронеж, 1 ноября 2024 г.)**

УДК 343.13

К. А. Большаков

**УСТАНОВЛЕНИЕ ОСНОВАНИЯ
УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СОВЕРШЕНИЕ
НАЛОГОВОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ**

В развитие концепции о процессуальном детерминизме обосновывается положение о том, что доказанное обвинение лежит в основании любого решения органа, ведущего уголовное дело, о применении уголовного закона, в том числе постановления о прекращении уголовного дела о налоговом преступлении в связи с возмещением ущерба.

Ключевые слова: процессуальный детерминизм, налоговые преступления, обвинение, доказательства, прекращение уголовного дела.

**ESTABLISHING THE BASIS OF CRIMINAL LIABILITY
FOR COMMITTING A TAX CRIME**

In development of the concept of procedural determinism, the position is substantiated that a proven accusation is the basis for any decision of the body conducting the criminal case on the application of the criminal law, including a decision to terminate a criminal case on a tax crime in connection with compensation for damage.

Key words: procedural determinism, tax crimes, accusation, evidence, termination of a criminal case.

Поступила в редакцию 14 января 2025 г.

Отечественная правовая доктрина традиционно стояла и стоит на позиции «материального детерминизма», в соответствии с которым совершение преступления есть тот факт, который выступает основанием для возникновения уголовно-правового отношения между государством и нарушителем уголовно-правового запрета¹. Иными словами, совершение преступления порождает

¹ См.: Курс российского уголовного права. Общая часть / под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. М. : Спарт, 2001. С. 21–26 ; Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1 : Учение о преступлении : учебник для вузов / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М., 2002. С. 43 ; Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве : теория, законодательство,

уголовно-правовое (основное, запретительное) отношение². Все прочие теоретико-правовые построения, касающиеся основания уголовной ответственности, реализации уголовной ответственности – привлечения к уголовной ответственности, неотвратимости уголовной ответственности, объективной истины и пр., связаны с этим исходным положением. В принципе, все учение об уголовно-правовом регулировании построено на нем.

Переворот в юридическом мировоззрении состоит в переходе от «материального детерминизма» к «детерминизму процессуальному»³.

Процессуальное начало является «факто-творительным» в том смысле, что основание уголовной ответственности образует юридический состав преступления, предусмотренный в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (ст. 8 УК РФ), доказанный в ходе уголовного процесса⁴.

Оговорка насчет доказанности имеет первичный характер: то, что не было доказано в уголовном процессе, того не существует в юридическом мире. Через уголовно-процессуальную форму происходит материализация уголовно-правового отношения между государством и преступником.

Стало быть, само по себе совершение преступления не образует основания: ни уголовного правоотношения, ни уголовной ответственности. Так, сообщение, информация о налоговом преступлении может вызвать реакцию правоохранительных органов в виде деятельности по регистрации сообщения и его проверке, а также выявление, расследование преступления, предъявление обвинения и пр. Правоотношения, которые могут возникнуть в ходе этой деятельности, складываются в сфере применения уголовно-процессуального законодательства и не могут быть никакими другими, кроме как уголовно-процессуальными⁵.

практика. М., 2010. С. 23 ; Даев В. Г. Взаимосвязь уголовного права и процесса. Л., 1982. С. 12, 13 ; Якупов Р. Х. Правоприменение в уголовном процессе России. М., 1993. С. 30, 49 ; Бахта А. С. Механизм уголовно-процессуального регулирования : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 41 ; Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учебник / под ред. А. В. Бриллианта. М., 2015. С. 79.

² См., напр.: Наумов А. В. Российское уголовное право: курс лекций : в 3 т. Т. 1 : Общая часть. М., 2008. С. 19 ; Петрова Г. О. Уголовно-правовое регулирование и его средства : норма и правоотношение : дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2003. С. 9, 28–32 ; Уголовное право России : общая часть / под ред. А. И. Рарога. М., 2010. С. 17.

³ Это учение о факто- и правотворческом значении уголовного процесса в создании средства уголовно-правового воздействия. Суть его выражена в формуле «уголовное право = уголовный кодекс + уголовный процесс». См.: Александров А. С., Александрова И. А. О философско-правовых притязаниях теории уголовного процесса на общую теоретико-методологическую основу научной специальности 5.1.4 – Уголовно-правовые науки // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. № 4 (58). С. 6–19 ; Их же. Теоретико-методологическое значение науки уголовного процесса для остальных наук антикриминального цикла // Правовое государство: теория и практика. 2021. Т. 17, № 1 (63). С. 84–96.

⁴ Наиболее близка к этому положению следующая формулировка : состав преступления есть производное от суммы доказательств, исследованных и подтвердившихся в судебном заседании. См.: Там же. С. 89.

⁵ Диалектика уголовно-правового и уголовно-процессуального элементов нам видится так: предусмотренный уголовным кодексом состав преступления – событие преступления – обвинение – обвинительный приговор – уголовная ответственность.

Значит, основывается правоприменительное решение (о применении уголовно-правовой нормы) не на самом преступлении (налоговом) и не на факте совершения преступления как *элементе объективной реальности* (она находится вне процесса), а на доказательствах, подтверждающих обвинение в совершении преступления (налогового). Очевидно, что решение о прекращении уголовного дела (преследования) о налоговом преступлении в связи с возмещением ущерба имеет такое же основание⁶.

Уголовно-правовой момент явлен в виде обвинения (подозрения) и доказательств, подтверждающих его, т. е. обвинительных доказательств. Пока обвинение и обвинительные доказательства не нашли подтверждения в суде, они не могут претендовать на статус фактичности.

Если в ходе уголовного процесса подозрение (обвинение) не подтверждается или устанавливается одно из обстоятельств, исключающих привлечение к уголовной ответственности, то уголовное преследование (дело) прекращается. Орган предварительного расследования в ходе досудебного производства прекращает уголовное преследование (дело) ввиду невозможности поставить перед судом вопрос о привлечении к уголовной ответственности – через предъявление и поддержание обвинения или отказа от уголовного преследования по причине установления основания, которое позволяет урегулировать уголовно-процессуальный спор во внесудебном порядке.

В правовой организации досудебного производства по уголовному делу и его исходу в виде прекращения уголовного дела с применением норм уголовного права выявляется узел исследуемой нами проблематики: о природе основания акта правоприменения в виде постановления органа предварительного расследования о прекращении уголовного дела (преследования) о налоговом преступлении в связи с возмещением ущерба. Следователь Следственного комитета реализует уголовно-правовую норму к лицу, которое он признал совершившим налоговое преступление. Можно сказать, что анализируемые нами основания⁷ являются продуктом процессуальной деятельности органа предварительного следствия.

Реализация уголовной ответственности, о которой последователи концепции материального детерминизма пишут как о некоем сугубо уголовно-правовом феномене⁸, на самом деле есть процесс уголовный. Можно приводить различные точки зрения ученых на счет того, что представляет собой этот процесс, какие элементы и этапы включает⁹.

⁶ Это утверждение справедливо к обоим основаниям, о которых говорится в ст. 28.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ).

⁷ Вернее, не только основания, предусмотренные ст. 28.1 УПК РФ, но и все остальные.

⁸ См., напр.: Пронина М. П. Особенности правоприменения в уголовном законе // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 4 (40). С. 193–199 ; Вишневецкая И. Н. Применение уголовного закона и практика уголовного правоприменения : соотношение понятий // Вестник Саратовской юридической академии. 2015. № 1 (102). С. 179–183.

⁹ См.: Галстян И. Ш. Освобождение от уголовной ответственности в связи с положительным постпреступным поведением виновного : дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2006. С. 14, 138 ; Терновая Ю. Е. Освобождение от уголовной ответственности как форма поощрения за позитивное постпреступное поведение : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2006. С. 37–38.

Мы разделяем мнение ряда ученых¹⁰, согласно которому уголовная ответственность может реализовываться только после того, как будет установлен факт совершения обвиняемым преступления. Основанием привлечения к уголовной ответственности является не столько преступление, сколько доказанное обвинение. Именно доказанное в суде обвинение становится основанием решения о привлечении к уголовной ответственности. Так должно быть, на наш взгляд, при правильной уголовно-процессуальной организации применения уголовного законодательства.

Ввиду важности двух опорных для всей описываемой схемы элементов – обвинения и доказательств – мы полагаем, что их правовая организация имеет определяющее значение и для объяснения генезиса основания уголовной ответственности. То есть доказанное обвинение лежит в основании любого решения органа, ведущего уголовное дело, о применении уголовного закона, в том числе постановления о прекращении уголовного дела о налоговом преступлении в связи с возмещением ущерба.

Таковы общие, принципиальные положения относительно базовой модели применения (реализации) уголовного права в виде привлечения к уголовной ответственности преступника. Однако есть и альтернативная, можно сказать упрощенная, уголовно-процессуальная форма реализации/применения уголовно-правовых норм. Ее можно также назвать компромиссно-договорной, медиационной, согласительной, компромиссно-штрафной. Суть ее в том, чтобы разрешить применение уголовного закона в случае бесспорного уголовного дела, т. е. с согласия обеих сторон на применение уголовного закона, но не в виде наказания, а в виде иных предусмотренных уголовным законом мер правовой ответственности, прежде всего в виде признания и исполнения правонарушителем обязанности возмещения материального ущерба от преступления. Именно это происходит в рамках процедуры по разрешению уголовного дела о налоговом преступлении в порядке, предусмотренном ст. 25.1, п. 3 ч. 1 ст. 27, ст. 28, ст. 28.1 УПК РФ.

*Западное межрегиональное следственное управление на транспорте
Следственного комитета Российской Федерации,
Санкт-Петербургский университет МВД России*

Большаков К. А., руководитель третьего отдела по расследованию особо важных дел (с дислокацией в городе Санкт-Петербурге), соискатель

*Western Interregional Investigation Directorate for Transport of the Investigative Committee of the Russian Federation,
Saint Petersburg University of the Russian Ministry of Internal Affairs
Bolshakov K. A., Head of the Third Department for Investigation of Especially Important Cases (based in St. Petersburg), Postgraduate Student
E-mail: bolshakov.sledcomspb@yandex.ru*

¹⁰ См.: Кутюхин И. В. Юридические факты в механизме уголовно-процессуального регулирования : монография. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2010. С. 21–23 ; Миронов И. В. Освобождение от уголовной ответственности в связи со специальными видами деятельного раскаяния : проблемы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2005. С. 9 ; Терновая Ю. Е. Указ. соч. С. 37.

ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ-ОБВИНЕМЫЙ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ЗАКОНОДАТЕЛЮ ПОРА ПОСТАВИТЬ ТОЧКУ В ЗАТЯНУВШЕЙСЯ НАУЧНОЙ ДИСКУССИИ

Сравнительно-правовому анализу подвергается институт привлечения лица, совершившего уголовно наказуемое деяние, в качестве обвиняемого в рамках действия УПК РСФСР 1960 г. и УПК РФ 2001 г. Исследуются также процессуальные правила уведомления о подозрении в совершении преступления. Анализируется процессуальный статус подозреваемого и обвиняемого в части наличия у данных лиц права на оказание им квалифицированной юридической помощи, а также процессуальный статус обвиняемого по Уставу уголовного судопроизводства, сравнимый со статусом подозреваемого по действующему УПК РФ. По результатам формулируется вывод о необходимости исключения из УПК РФ института привлечения в качестве обвиняемого. При этом в случае возбуждения уголовного дела по факту совершения преступления в полном объеме должен быть задействован институт уведомления о подозрении в совершении преступления независимо от формы предварительного расследования.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, предварительное следствие, дознание, следователь, дознаватель, подозреваемый, обвиняемый, уголовно-правовой статус.

SUSPECT-ACCUSED IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS: IT IS TIME FOR THE LEGISLATOR TO PUT AN END TO THE PROLONGED SCIENTIFIC DISCUSSION

In the article the author has subjected to a comparative legal study the institution of bringing an accusation within the framework of the Criminal Procedure Code of the RSFSR of 1960 and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 2001. The procedural rules for notification of suspicion of committing a crime are also examined. An analysis of the procedural status of the suspect and the accused is given in terms of the right of these persons to receive qualified legal assistance. The procedural status of the accused under the Charter of Criminal Procedure is analyzed, comparable to the status of the suspect under the current Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Based on the results, a conclusion is formulated on the need to exclude the institution of bringing an accusation from the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. In this case, in the event of initiation of a criminal case on the fact of committing a crime, the institution of notification of suspicion of committing a crime must be fully utilized, regardless of the form of preliminary investigation.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, предварительное следствие, инквизиция, следователь, инквизитор, инквизиторский офицер, подозреваемый, обвиняемый, уголовно-правовой статус.

Поступила в редакцию 16 января 2025 г.

Обращение к вопросу о соответствии статуса подозреваемого-обвиняемого требованиям сегодняшнего дня обусловлено произошедшими за два

последних десятилетия существенными изменениями положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), регламентирующих процессуальный статус как подозреваемого (ст. 46 УПК РФ), так и обвиняемого (ст. 47 УПК РФ). Сегодня ряд представителей научной общественности, включая автора настоящей публикации¹, высказывается о том, что институт привлечения в качестве обвиняемого превратился в рудимент современного уголовного процесса и нуждается в реформировании.

Указанную позицию автор высказывал еще в 1999–2001 гг. при подготовке проекта УПК РФ к второму чтению, предлагая реорганизацию института привлечения в качестве обвиняемого путем его замены на институт уведомления о подозрении в преступлении (ст. 223 УПК РФ)², который был введен в уголовно-процессуальное законодательство Федеральным законом от 6 июня 2007 г. №-90 ФЗ³. О необходимости исключения рассматриваемого института из УПК РФ высказывалась в своем диссертационном исследовании М. Ю. Колбеева⁴.

Данное предложение среди ученых было воспринято неоднозначно. В качестве мотивации приводилось конституционное понятие, что каждый *обвиняемый* в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда (ч. 1 ст. 49 Конституции Российской Федерации)⁵.

Так, профессор Л. В. Головко⁶, комментируя введение указанным Федеральным законом № 90-ФЗ в УПК РФ при производстве расследования в форме дознания института уведомления о подозрении в совершении преступления вместо института привлечения в качестве обвиняемого, отмечает, что указанное не соответствует замыслу законодателя. Введение данного института было обусловлено необходимостью реализации конституционного уставновления о своевременном доведении до лица информации, в совершении какого противоправного деяния он обвиняется в случаях возбуждения уголовного дела по факту совершения преступления, поскольку у подозреваемого при расследовании преступлений в форме предварительного следствия право на защиту появлялось лишь при задержании лица в качестве подозреваемо-

¹ См.: Гаврилов Б. Я., Красильников А. В. Институт привлечения лица в качестве обвиняемого: соответствует ли он реалиям сегодняшнего дня? // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 4 (68). С. 88–96.

² См.: Гаврилов Б. Я. Современная уголовная политика России : цифры и факты : монография. М., 2008. С. 193–194.

³ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 6 июня 2007 г. № 90-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. № 24. Ст. 2833.

⁴ Колбеева М. Ю. Институт привлечения лица в качестве обвиняемого в условиях реформирования уголовно-процессуального законодательства : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 4.

⁵ Конституция Российской Федерации: принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ Головко Л. И. Институт уведомления о подозрении : мнимые и подлинные смыслы // Законы России. Опыт. Анализ. Практика. 2023. № 7. С. 22–25.

го. По уголовным делам, расследованным в форме дознания и дознания в сокращенной форме, при возбуждении уголовного дела по факту совершенного противоправного деяния право на защиту появлялось лишь по окончании расследования путем составления дознавателем обвинительного акта (ч. 1 ст. 225 УПК РФ) или обвинительного постановления (ч. 1 ст. 226⁷ УПК РФ). Именно с указанного выше момента такому лицу обеспечивалось его конституционное право на обеспечение квалифицированной юридической помощи (ч. 1 ст. 48 Конституции Российской Федерации). Отсюда следует, что в качестве основных аргументов за целесообразность разрешения назревшей проблемы концептуального реформирования института привлечения в качестве обвиняемого являются следующие.

Во-первых, в советском уголовном процессе на протяжении десятков лет участие защитника в ходе предварительного расследования не предусматривалось, что не соответствовало международным правовым актам в сфере защиты прав человека и основных свобод⁷. В частности, по УПК РСФСР 1960 г. защитник допускался к участию в уголовном деле, расследованном в форме предварительного следствия, лишь с момента окончания расследования (ст. 47), а по уголовным делам, расследованным в форме дознания, участие защитника допускалось лишь со стадии судебного разбирательства (ст. 120)⁸.

Развитие института оказания квалифицированной юридической помощи обусловлено принятием Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 26 июня 1972 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР»⁹, в соответствии с положениями которого защитник допускался к участию в уголовном деле с момента предъявления обвинения, но исключительно по постановлению прокурора. При этом в отношении отдельных категорий лиц, в силу физических или психических недостатков не имевших возможности самостоятельно защищать свои права, согласия прокурора не требовалось.

В последующие годы Закон Российской Федерации от 23 мая 1992 г. № 2825-1¹⁰ предусмотрел возможность допуска защитника к участию в уголовном деле независимо от формы расследования, а при задержании лица в качестве подозреваемого или применения к нему меры пресечения в виде заключения под стражу до предъявления обвинения – с момента объявления этому лицу протокола задержания или постановления о применении данной меры пресечения, что означало предоставление лицу, подвергнувшемуся уг-

⁷ Всеобщая декларация прав человека : принятая Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. ; Конвенция о защите прав человека и основных свобод : заключена в Риме 4 ноября 1950 г. ; Международный пакт о гражданских и политических правах : резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 2200 от 16 декабря 1966 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : утвержден Верховным Советом РСФСР 27 октября 1960 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Утратил силу.

⁹ О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 26 июня 1972 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁰ О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : закон Российской Федерации от 23 мая 1992 г. № 2825-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ловному преследованию, права знать, в чем оно обвиняется, и права на оказание квалифицированной юридической помощи.

В последующем Федеральным законом от 29 мая 2002 г. № 58-ФЗ¹¹ в УПК РФ было закреплено право участия защитника с момента возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица, что было реализовано в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. № 11-П «По делу В. И. Маслова»¹². Данное решение законодателя можно считать отправной точкой нивелирования значения института привлечения в качестве обвиняемого как гарантии права лица, подвергающегося уголовному преследованию, на получение им квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве. А с учетом положений Федерального закона от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ¹³ действующая редакция ч. 1¹ ст. 144 УПК РФ предусматривает участие адвоката (фактически защитника) с момента начала процессуальной проверки сообщения о преступлении, т. е. до возбуждения уголовного дела.

Во-вторых, за исключение института привлечения в качестве обвиняемого фактически ратует и сложившаяся практика расследования уголовных дел в форме дознания, согласно которой за годы действия УПК РФ расследовано с направлением в суд без «классического» предъявления обвинения более 5 млн уголовных дел. При этом ни один из осужденных не обратился ни в Конституционный Суд Российской Федерации, ни в Европейский Суд по правам человека о нарушении его права на защиту от обвинения.

В-третьих, анализ процессуальных статусов подозреваемого (ст. 46 УПК РФ) и обвиняемого (ст. 47 УПК РФ) фактически не содержит различия, кроме этапа окончания расследования, где участие подозреваемого не предусмотрено.

В-четвертых, отсутствовал институт привлечения лица в качестве обвиняемого и в дореволюционном уголовном процессе. Так, ст. 258 Устава уголовного судопроизводства 1864 г.¹⁴ (далее – Устав) устанавливала, что в случаях, когда полицией застигнуто лицо, совершившее преступление, она заменяет судебного следователя во всех следственных действиях, но формальных допросов обвиняемого не делает; ст. 283 Устава устанавливала обязанность судебного следователя уведомлять прокурора о взятии обвиняемого под стражу; ст. 377 Устава устанавливала, что призыв обвиняемого к следствию осуществляется в виде письменной повестки, а в случае нахождения его по месту следствия – устного требования.

¹¹ О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 29 мая 2002 г. № 58-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹² По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. № 11-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹³ О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ // Собр. законодательств Рос. Федерации. 2013. №. 9. С. 875.

¹⁴ Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. URL: <https://pnov.hse.ru/ba/law/igpr/ustavugolsud1864?ysclid=lv0wtks7c326996293> (дата обращения: 15.01.2025).

Фактически по Уставу уголовного судопроизводства обвинение лица в совершении преступления (ст. 519, 520) имело место только при предании обвиняемого суду, о чем прокурором выносилось заключение, излагаемое в форме обвинительного акта, в котором указывались событие преступления, данные обвиняемого, сущность доказательств и улик, собранных по делу, квалификация деяния. Таким образом, положения Устава уголовного судопроизводства не содержали норм, предписывающих судебному следователю выносить процессуальное решение о привлечении лица в качестве обвиняемого. Это позволяет утверждать, что статус обвиняемого по Уставу соответствовал статусу подозреваемого в современном уголовно-процессуальном законодательстве.

Отметим, что по действующему УПК РФ предъявление обвинения фактически имеет место: при возбуждении уголовного дела в отношении лица или при уведомлении лица о наличии подозрения; избрании меры пресечения; предъявлении первоначального обвинения в течение 10 суток с момента избрания меры пресечения; предъявлении обвинения в окончательной редакции; при формировании обвинительного заключения, обвинительного акта, обвинительного постановления.

Таким образом, в настоящее время институт привлечения в качестве обвиняемого утратил свое исторически сложившееся значение ключевого уголовно-процессуального правоотношения, что обусловлено следующими обстоятельствами:

- институт привлечения лица в качестве обвиняемого фактически лишился одной из ключевых функций – обеспечение закрепленного Конституцией Российской Федерации права лица, подвергнутого уголовному преследованию, на квалифицированную юридическую помощь;

- отсутствуют существенные различия в объеме и содержании процессуального статуса подозреваемого и обвиняемого, принципиально влияющие на их правовое положение в уголовном судопроизводстве;

- исключение института привлечения в качестве обвиняемого при производстве предварительного расследования в форме дознания не препятствует эффективной реализации всего комплекса прав и законных интересов лиц, в отношении которых осуществляется уголовное преследование;

- историко-правовой анализ российского уголовно-процессуального законодательства не дает нам оснований говорить о неких исторически обоснованных предпосылках современного института привлечения в качестве обвиняемого.

Академия управления МВД России

Гаврилов Б. Я., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры
управления органами расследования преступлений,
заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Gavrilov B. Ya., Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the
Management of Bodies Investigating Crimes Department, Honored Scientist
of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation
e-mail: profgavrilov@yandex.ru

РЕЗУЛЬТАТЫ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ВЫДВИЖЕНИЯ ВЕРСИИ О СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ЛИЦОМ, НАХОДЯЩИМСЯ В СОСТОЯНИИ КРАТКОВРЕМЕННОГО ПСИХИЧЕСКОГО РАССТРОЙСТВА

Рассматриваются вопросы, связанные с первоначальным этапом расследования преступления, совершенного лицом в состоянии кратковременного психического расстройства. Важное значение для выдвижения версии о совершении преступления лицом в состоянии кратковременного психического расстройства имеет осмотр места происшествия.

Ключевые слова: первоначальный этап расследования преступления, кратковременное психическое расстройство, осмотр места преступления, следы на месте преступления.

THE RESULTS OF THE INSPECTION OF THE SCENE OF THE CRIME AS A BASIS FOR PUTTING FORWARD A VERSION OF THE COMMISSION OF A CRIME BY A PERSON IN A STATE OF SHORT-TERM MENTAL DISORDER

The article discusses issues related to the initial stage of the investigation of a crime committed by a person in a state of short-term mental disorder. An inspection of the scene of the crime is important for putting forward a version of the commission of a crime by a person in a state of short-term mental disorder.

Ключевые слова: the initial stage of the investigation of crime, short-term mental disorder, examination of the crime scene, the footprints at the crime scene.

Поступила в редакцию 17 января 2025 г.

Вопросы выдвижения и проверки версии о совершении расследуемого преступления лицом в состоянии кратковременного психического расстройства (далее – КПР) до сих пор остаются мало разработанными. В то же время актуальность указанных вопросов в последние годы значительно возросла в связи с ростом числа преступлений, совершенных лицами, находившимися в состоянии КПР.

КПР, или так называемые исключительные состояния, представляют собой группу экзогенно спровоцированных психотических расстройств, объединенных общим признаком – патологическим изменением сознания, под которым понимается болезненное изменение сознания различной глубины и психопатологического содержания (органического и интоксикационного происхождения) до аффективно суженного (психогенные нарушения сознания) и изменение содержания при острой параноидных состояниях при формальной

сохранности самого сознания. Экзогенно спровоцированные кратковременные психотические расстройства обнаруживают общие закономерности возникновения, развития, разрешения и некоторых клинических характеристик, что свидетельствует о сходных патогенетических механизмах в большинстве случаев и позволяет рассматривать их в одной группе¹. Так, патологическое опьянение, патологический аффект, патологическое просоночное состояние и реакция короткого замыкания провоцируются специфическими для каждого состояния факторами (будь то последствия травм, психогения, алкоголь и т. д.), но психопатологические проявления всех этих кратковременных нарушений психики образуют клиническую картину помраченного (сумеречного, суженного, спутанного) сознания, констатация которого является наиболее существенным признаком для диагностики КПР.

В многочисленных исследованиях, проведенных в разное время различными авторами, отмечалось, что КПР – это тот вид патологии, который чаще всего определяет совершение особо агрессивных деяний. В большинстве случаев лица в состоянии КПР совершали правонарушения, квалифицированные как насильственные преступления против личности, включая убийства, причинение вреда здоровью различной степени тяжести².

Основной задачей первоначального этапа расследования является выявление необходимой доказательственной и тактической информации, а также ее носителей (источников)³. Задачи этапа считаются выполненными после получения данных, дающих основание для предъявления обвинения, поэтому версия о личности субъекта преступления является типичной для этого этапа.

Сбор такого рода информации происходит прежде всего путем первоначального осмотра места происшествия, в ходе которого устанавливается, фиксируется и исследуется обстановка места происшествия, следы преступления и преступника и иные фактические данные, позволяющие в совокупности с другими доказательствами сделать предположительный вывод о механизме и обстоятельствах расследуемого события, свойствах личности его участников⁴. О том, что субъект в момент совершения преступления мог находиться в состоянии КПР, зачастую свидетельствуют такие оставшиеся на месте преступления следы, как отсутствие следов подготовки к совершению преступления и следов его сокрытия, необычный способ лишения жизни человека, особая жестокость исполнения, надругательство над трупом и т. д.

¹ См.: Доброгаева М. С. Кратковременные расстройства психической деятельности (Исключительные состояния) в судебно-психиатрической клинике : автореф. ... дис. д-ра мед. наук. М., 1989. С. 7.

² См.: Волков В. Н., Дорофеенко Г. К. Кратковременные психические расстройства и их судебно-психиатрическое значение. М., 2004. С. 71.

³ См.: Драпкин Л. Я. Ситуационный подход в криминалистике и проблема периодизации процесса расследования преступлений // Проблемы оптимизации первоначального этапа расследования преступлений. Свердловск. 1988. С. 8–11 ; Драпкин Л. Я. Структура и функции первоначальных следственных действий в методике расследования преступлений // Методика расследования преступлений (общие положения). М., 1976. С. 87 ; Белкин Р. С. Курс криминалистики : в 3 т. М. : Юрист, 1997. Т. 3. С. 393.

⁴ См.: Васильев В. А. Психология осмотра места происшествия. Л., 1986 ; Гутман Ю. Я. Криминалистическая тактика и методика расследования отдельных видов преступлений / под ред. П. Н. Аленичева. М., 1976, С. 113.

Таким образом, информация о психическом состоянии заподозренного может быть получена уже во время осмотра места происшествия, «обстановку которого, – по меткому выражению А. Р. Ратинова, – можно рассматривать как овеществленную психологию участников расследуемого события, действовавших на этом плацдарме. Его изучение позволяет с большей или меньшей степенью вероятности судить о психических особенностях преступника»⁵.

Из литературы и судебно-следственной практики местом совершения преступления лицами, находящимися в момент его совершения в состоянии КПР, чаще всего являлись квартиры, общественные и многолюдные места: рынки, магазины, места работы, отдыха или лечения и т. п. Преступления в безлюдных местах этими лицами практически не совершались⁶.

Проведенный опрос среди сотрудников правоохранительных органов и судей также показал, что местом совершения преступления лицом, находящимся в состоянии КПР, является жилище подозреваемого (47 %), жилище потерпевшего (52 %), место работы подозреваемого (19 %), магазин (17 %). Следует заметить, что открытая местность, где совершали преступления лица с признаками КПР, в литературе описывается крайне редко, однако 27 % опрошенных отметили, что местом преступления является открытая местность, а 37 % указали на иное место совершения преступления лицами, находящимися в момент его совершения в состоянии КПР, что может свидетельствовать о их недостаточной осведомленности в данном вопросе.

Так, Ч., 36 лет, обвинялся в том, что в состоянии алкогольного опьянения, причинил средней тяжести вред здоровью своему соседу Т. На учете у психиатра и нарколога не состоял. Находясь в квартире соседа, употреблял с ним спиртные напитки, а затем в одной «из пустующих», по его мнению, комнат, неожиданно для себя услышал «голос женщины», смутно помнит, как слышал «говор толпы», «какой-то шум». Будучи задержанным и находясь в отделении милиции, он то плакал, доказывая, что «идет война» и что он «хочет всех спасти», то слышал «свист и хохот», то утверждал, что он «вампир», при этом проявлял беспокойство, набрасывался на сокамерников. Не помнил о том, что соседу нанес множественные удары руками и ногами в область головы и туловища, заявлял, что он «отбивался от какой-то страшной женщины». Судебно-психиатрической экспертизой комиссии был признан невменяемым, так как в период, относящийся к инкриминируемому ему деянию, находился в состоянии сумеречного расстройства сознания, спровоцированного приемом алкоголя⁷.

Для насильственных преступлений, совершенных лицами с признаками КПР, характерно совпадение в большинстве случаев места происшествия и места преступления.

З., 39 лет, обвинялась в убийстве мужа. На учете у психиатра не состояла. С мужем жили плохо. Он злоупотреблял спиртными напитками, необоснованно ревновал, часто избивал ее. В день совершения преступления З. находилась у себя дома. Когда она была в ванной комнате, пришел муж. Он

⁵ См.: Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей. М., 1967. С. 254.

⁶ См.: Волков В. Н., Дорофеенко Г. К. Указ. соч. С. 72.

⁷ Здесь и далее примеры из личной практики автора.

был в нетрезвом состоянии и стал заявлять, что «ее утопит», при этом пытался опустить ее голову в ведро с водой. З. удалось оттолкнуть мужа, после чего он ушел, но вскоре вернулся и сильно ударил ее по лицу. Она почувствовала страшную боль и «чем-то горячим залило глаза». Затем услышала слова мужа: «Одного глаза нет, сейчас второй выбью, потом кишки выпущу». Со слов З., у нее возник сильный страх, она собрала все силы, оттолкнула мужа и увидела, как он упал, открыв своим телом дверь в детскую комнату. Что происходило дальше, она не помнит. «Очнулась» на следующий день на диване в другой комнате, не могла понять, утром или вечером. Увидев мертвого мужа, с целью самоубийства выпила уксусную эссенцию и была доставлена в институт им. Склифосовского с диагнозом «Тяжелое отравление уксусной эссенцией». На трупе мужа было обнаружено 45 колотых ранений с повреждением внутренних органов. Заключение судебно-психиатрической комиссии: «Последствия органического поражения головного мозга (травма головы). В момент инкриминируемого ей действия находилась в психогенном сумеречном расстройстве сознания».

Особое значение при производстве рассматриваемого следственного действия имеет осмотр самой обстановки места происшествия. Разумеется, круг объектов осмотра и степень детальности их исследования определяются конкретной ситуацией. По описанию С. С. Корсакова, «эффект выливается в ряд агрессивных действий, иногда носящих характер сложных произвольных актов, совершаемых с жестокостью автомата или машины»⁸, поэтому на предметах, теле потерпевшего могут оставаться особенные материальные следы. Лицо в таком состоянии часто пребывает в состоянии агрессии совершая насильственные преступления, как правило, выполняет хаотичные, непоследовательные действия, порой носящие разрушительный характер, что, конечно же, отражается на обстановке места происшествия: беспорядок, бессмысленное повреждение предметов домашнего обихода, обстановки жилища, места работы и т. д.

В делах о насильственных преступлениях (особенно это характерно для убийств), признаком того, что они были совершены лицом в состоянии КПР, являются множественные повреждения на теле жертвы в виде гематом и различных ран, а также расчленение трупа, вскрытие полостей трупа, надругательство над трупом и т. д. Для причинения таких повреждений обычно используются обычные бытовые орудия или предметы, оказавшиеся на месте преступления, которое было совершено всползно (нож, топор, отвертка, металлический штырь палка, бутылка и т. д.), однако бывают случаи, когда используется оружие (ружье, охотничий нож). Наличие этой группы следов указывает на повышенную агрессивность, жестокость, автоматизм действий преступника, обусловленных наличием у него признаков кратковременного психического расстройства.

М., 50 лет, обвинялась в том, что она в состоянии алкогольного опьянения с особой жестокостью убила свою односельчанку. По совету соседки для излечения от простуды М. купила в магазине 500 г спирта и вечером в 20 ча-

⁸ Корсаков С. С. К вопросу об «острых» формах умопомешательства. Избранные произведения. М., 1954. С. 47.

сов выпила 100 г, затем в 21 час вместе с детьми выпила еще «одну стопку». В 24 часа к ней в дом зашла пьяная односельчанка Р., которую М. угостила спиртом. Беседовала она с ней мирно, говорила о детях и трудностях прожитых лет (это подтверждает и муж М.). Ночью (около 2 часов), односельчанка Р. пригласила М. к себе, сказав, что у нее «есть что выпить». В доме Р. они выпили 250 г водки, М., сильно опьянела, однако помнит, что у односельчанки она попросилась переночевать, а затем, когда легла на плиту, словно «отключилась». В 10 часов 30 минут М. разбудил крик дочери Р. Тогда она увидела убитую и заметила кровь на своей одежде. Свидетели по делу показывают, что М. после пробуждения была в состоянии сильного похмелья, «как чумная». Увидев убитую, стала говорить, что ничего не помнит, не знает, как всё произошло. Была удивлена всем происшедшем, спрашивала «кто ее убил?», говорила, что не может этого понять, так как абсолютно ничего не помнит. Одной из своих знакомых заявила, что ночью в квартире были посторонние люди, полагает, что они и напали на погибшую. М. в своих показаниях утверждала, что с потерпевшей Р. отношения всегда были хороши, что перед тем, как лечь спать в доме Р., она с ней не конфликтовала, а наоборот, с целью отблагодарить ее за угощение дала ей денег. Согласно судебно-медицинскому заключению убийство было совершено с особой жестокостью: об этом свидетельствуют множественные ссадины и повреждения, а также введенная во влагалище погибшей деревянная палка, повредившая органы брюшной полости и малого таза. В период следствия М. проходила судебно-психиатрическую экспертизу в ГНЦ им. В. П. Сербского и судебно-психиатрической экспертной комиссией была признана невменяемой с диагнозом «Сумеречное расстройство сознания, спровоцированное приемом алкоголя и развившимися у личности гипертонической болезнью и органическим заболеванием головного мозга (арахноидит)».

Важное значение для выдвижения версии о совершении преступления лицом в состоянии КПР имеет полное отсутствие следов сокрытия преступления.

Б., 25 лет, обвинялся в убийстве своего двоюродного брата. На учете у психиатра не состоял. После суточного дежурства Б. чувствовал себя утомленным, в течение дня вместе с сослуживцами употреблял алкогольные напитки (выпил около 250 мл водки), почти ничего не ел. Вечером был расстроен несостоявшимся свиданием с любимой девушкой. В 23 часа приехал к дяде, дома были только его дети. Со слов старших девочек, Б. был в легкой степени алкогольного опьянения – у него были блестящие глаза, покрасневшее лицо, отмечалась говорливость, изо рта исходил запах спиртного. Своему двоюродному брату И. (погившему) рассказывал содержание мультфильмов. Высказывал желание еще достать спиртные напитки, но было позднее время. Перед сном Б. выпил два стакана крепкого чая. Затем зашел в комнату И. и лег с ним спать в одну кровать из-за отсутствия свободных кроватей. Уснул сразу. Согласно показаниям Б. он «очнулся» ночью примерно в 3 часа. Смутно помнит стены И., от которых «пришел в себя» и увидел, что стоит около кровати с ножом в руках, которые были липкими от крови, на кровати лежал мертвый, окровавленный мальчик. С ужасом понял, что произошло. Остаток ночи курил, плакал, опасался, как бы

не проснулись девочки и не испугались. В 6 часов утра поехал в милицию, где сообщил о случившемся. У погибшего мальчика было обнаружено 37 ножевых ранений в различные части тела. Реакция на наличие сперматозоидов отрицательная. Судебно-психиатрической экспертизой комиссии Б. был признан невменяемым с диагнозом «Патологическое просоночное состояние». Практика показала: производя осмотр места происшествия, следователь должен учитывать, что лица, совершившие преступления в состоянии КПР, зачастую остаются в районе места происшествия (общаются с находящимися там людьми, засыпают недалеко от этого места).

Гонгадзе М. Г., специалист в области судебной психиатрии, юрист

*Gongadze M. G., Forensic Psychiatrist, Lawyer
E-mail: gomargo@bk.ru*

О ФОРМИРОВАНИИ ПОНЯТИЯ ОБВИНЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Рассматриваются процесс формирования понятия обвинения в Российской Федерации, существующие подходы к пониманию обвинения, дефиниции обвинения, содержащейся в ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также варианты изменения и дополнения дефиниции обвинения.

Ключевые слова: обвинение, дефиниция, уголовно-процессуальное законодательство, предъявление обвинения, уголовное преследование, уголовно-процессуальный закон, позитивно-правовая концепция.

ON THE FORMATION OF THE CONCEPT OF PROSECUTION IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article examines the process of formation of the concept of accusation in the Russian Federation and the existing approaches to understanding the accusation, the definition of the accusation contained in Article 5 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

Key words: accusation, definition, criminal procedure legislation, indictment, criminal prosecution, criminal procedure law, positive legal concept.

Поступила в редакцию 20 января 2025 г.

Понятие обвинения в отечественном законодательстве складывалось постепенно с принятием первых источников уголовного судопроизводства. В Псковской судной грамоте 1397 г. обвинение понималось исходя из совершения самого преступного деяния¹. В Новгородской судной грамоте 1471 г. даются указания для обвинения тех, кто отказался от присяги в суде². Такая же ситуация сохранялась и в эпоху правления Петра I после принятия Первого кодифицированного закона судопроизводства, входящего в воинские артикулы, «Краткое изображение процесса и судебных тяжеб»: виновный определялся как подозреваемый в совершении преступления³. Свод законов Российской империи 1833 г. определял стадию предварительного следствия, задача которого состояла в создании условий для того, чтобы лицо, совершившее деяние, «поставить в состояние обвинения». Иными словами, допустить данное лицо

¹ См.: Музей истории российских реформ имени П. А. Столыпина. Псковская судная грамота. 1397–1467 гг. URL: <http://xn--e1aaejmenoscxq.xn--p1ai/node/13623> (дата обращения: 29.09.2024).

² См.: Музей истории российских реформ имени П. А. Столыпина. Новгородская судная грамота. 1440–1471 гг. URL: <http://xn--e1aaejmenoscxq.xn--p1ai/node/13624> (дата обращения: 29.09.2024).

³ См.: НИУ ВШЭ в Нижнем Новгороде. Псковская судная грамота. URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/psg> (Дата обращения: 10.10.2024).

до предъявления ему обвинения в суде⁴. На данном этапе обвинение – уже не характеристика лица, причастного к совершению преступления, а формирующийся институт – как этап уголовного судопроизводства, как содержание приговора и оглашаемых в ходе судебного заседания обвинений и как способ получения лицом статуса обвиняемого. Позднее принятый Устав уголовного судопроизводства 1864 г. закрепил обвинение как один из поводов для начала следствия, после чего активно формируется научная теоретическая концепция понимания обвинения как уголовного иска. В трудах Н. Н. Полянского, И. Я. Фойницкого, В. К. Случевского, П. И. Люблинского отражено понимание обвинения как требования о привлечении к уголовной ответственности лица, совершившего преступления. Обвинение как уголовный иск имеет материальную и формальную составляющую. Формальная составляющая представлена процедурой и процессуальными полномочиями прокурора по выдвижению уголовного иска, рассмотрению его в суде, материальная составляющая включает в себя наказание согласно предъявленному иску⁵. При этом субъектами уголовного иска является прокурор, который давал требование следователю проверить обоснованность уголовного иска, т. е. произвести следствие, но при этом следователь не выступал субъектом обвинения, а лишь являлся агентом уголовного иска. Понимание обвинения как уголовного иска сохраняет свою актуальность и в настоящее время и является предметом обсуждения вопроса о внесении изменений в уголовно-процессуальное законодательство России. Согласно современному исковому подходу уголовный иск является требованием обвинительной власти к суду для признания за государством права на наказание лица, совершившего преступление. Основание для уголовной ответственности формируется в результате удовлетворения уголовного иска судом. Субъектом обвинения является прокурор, а следователь выступает агентом обвинения, оказывая прокурору помочь. Мы можем согласиться с концепцией обвинения как уголовного иска, исходя из природы исковых требований, когда истец требует перед судом восстановления его нарушенных прав, компенсации его вреда ответчиком, т. е. привлечения его к ответственности и назначения наказания. Однако нельзя согласиться с мнением сторонников теории уголовного иска, что субъектом обвинения является только прокурор, а следователь, как участник уголовного судопроизводства, является только агентом обвинения, оказывающим помочь прокурору, однако самостоятельно не выдвигающим обвинение. В УПК РФ, в отличие от Устава уголовного судопроизводства, процессуальные права и гарантии участников уголовного процесса, включая обвиняемого, расширены и подробно отражены в статьях закона, и для их ограничения необходимо обоснование. Следователь является процессуально самостоятельным должностным лицом, уполномоченным предъявлять обвинение путем вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого, не получая какого-либо указания или утверждения от

⁴ См.: Баршев Я. М. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. СПб. : Тип. 2 отд-ния Собств. е. и. вел. канцелярии, 1841. С. 107.

⁵ См.: Полянский Н. Н. Очерки общей теории уголовного процесса. М. : Право и Жизнь, 1927. С. 110.

прокурора. Поддержание прокурором обвинения в суде как государственным обвинителем – это прокурорская деятельность, направленная на ведение судебного процесса, доказывание вины обвиняемого и обстоятельств, изложенных в предъявленном следователем обвиняемому постановлении о привлечении в качестве обвиняемого.

Кроме исковой концепции понимания обвинения, в XX в. сформировалась противоположная ей позитивно-правовая концепция, согласно которой обвинение являлось процессуальной деятельностью судебного следователя и прокурора. Позитивистский подход имел место в советский период и включал в себя институт предъявления обвинения как систему норм уголовно-процессуального законодательства. Обвинение в позитивно-правовом смысле – это институт правовых норм, регулирующих порядок предъявления обвинений путем вынесения постановления следователем или прокурором, что отражено в ст. 46 УПК РСФСР⁶.

С введением и совершенствованием советского уголовно-процессуального законодательства, его терминологии и порядка судопроизводства учеными-процессуалистами того времени обвинение стало рассматриваться как многогранное понятие. В частности, П. С. Элькинд в понятие обвинения включала перечень инкриминируемых обвиняемому обстоятельств, процедуру предъявления обвинения. Институт обвинения рассматривался как единое целое следственной и прокурорской деятельности по предъявлению обвинения и его поддержанию в суде⁷. Проводя анализ позитивно-правовой концепции обвинения, мы приходим к выводу, что такой подход соответствует современному порядку уголовного судопроизводства, целям и задачам уголовного процесса, своевременному рассмотрению уголовного дела, осуществлению правосудия, поскольку имеет место распределение обязанностей субъектов обвинения на досудебной и судебной стадии, что является дополнительной гарантией прав обвиняемого. Сформировавшиеся в советский период концепции обвинения актуальны и на сегодняшний день и соотносятся с уголовным преследованием.

С формированием позитивно-правовой концепции распространяется юридическая техника включения категориального аппарата в нормативно-правовые акты РСФСР путем введения дефинитивных норм. Принятые уголовно-процессуальные кодексы 1922 и 1923 гг. включают 23 статьи, где приводится перечень основных понятий и определений для осуществления уголовного процесса. Перечень определений с введением в действие УПК РФ был значительно расширен и с 2001 г. включал в себя понятие обвинения (п. 22 ст. 5). В основу формирования современного определения обвинения в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации легла историческая этимология в комбинации с актуальным толкованием и функциональным значением процесса уголовного преследования в Российской Федерации.

⁶ См.: Власова С. В. Уголовно-право-процессуальная организация противодействия экономической преступности в новую эпоху : монография. М. : Юрлитинформ, 2022. С. 275.

⁷ См.: Элькинд Д. С. Сущность советского уголовно-процессуального права : монография. Л., 1963. С. 60–61.

Обвинение сегодня – это утверждение о совершении лицом деяния, запрещенного уголовным законодательством Российской Федерации, которое выдвигается в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации. Согласно современной научной теории стороной обвинения осуществляется процессуальная деятельность – уголовное преследование для изобличения подозреваемого и обвиняемого в совершении преступления. Кроме того, обвинение – это функция уголовного процесса, которая представляет собой процессуальную деятельность стороны обвинения для установления причастности лица, совершившего преступление. Такая концепция соответствует категории обвинения в п. 22 ст. 5 УПК РФ. Следует согласиться с мнением А. М. Баранова, что закрепление в УПК РФ такого понятия, как «обвинение», согласуется с требованием ст. 6 УПК РФ – с назначением уголовного судопроизводства⁸.

На сегодняшний день актуальны вопросы о внесении изменений в ст. 5 УПК РФ, относящиеся к обвинению, в частности, вопрос о введении категории государственного обвинения в ст. 5 УПК РФ. Д. А. Чигриным предлагается в данном понятии закрепить в определении государственного обвинения формальный признак, а именно содержание обвинения как утверждения о совершенном определенным лицом деянии, запрещенном уголовным законом, в утвержденном прокурором обвинительном заключении (акте, постановлении)⁹. К данному предложению, на наш взгляд, следует отнести критически. В ст. 5 уже приводится понятие государственного обвинителя и раскрывается деятельность по поддержанию государственного обвинения в последующих главах, в связи с чем полагаем, что введение дополнительной категории в ст. 5 УПК РФ нецелесообразно и усложнит восприятие категориального аппарата для его применения субъектами уголовного судопроизводства.

Кроме того, возникают вопросы об исключении отдельных категорий, в частности, исключении из п. 47 ст. 5 УПК РФ категории «сторона обвинения», поскольку перечень участников стороны обвинения, их права и обязанности раскрыты в главе 6 УПК РФ. С данной позицией, на наш взгляд, можно согласиться. Однако исключение данной категории, также как и ее сохранение в ст. 5 в качестве дефинитивной нормы не влечет наступление каких-либо правоотношений.

Ряд исследователей отмечает неполноту дефиниции «обвинение» в п. 22 ст. 5 УПК РФ. В частности, отмечается несоответствие широкого понятия обвинения в уголовно-процессуальной науке и приведенного в п. 22 ст. 5 УПК РФ более узкого понятия¹⁰. Представляется, что с точки зрения права и логики вводимая в законодательство дефиниция должна содержать определение, которое раскрывает конкретное понятие и содержит в себе его сущностные

⁸ Баранов А. М., Смирнова К. Н. Основные понятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : монография. М. : Юрлитинформ, 2015. С. 73.

⁹ См.: Чигрин Д. А. Государственное обвинение в российском уголовном процессе : проблемы формирования и поддержания : сравнительно-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2018. С. 44.

¹⁰ См.: Кудин Ф. М., Зубенко Е. И. Понятие обвинения в науке и законодательстве российского уголовного процесса // Общество и право. 2010. № 2 (29). С. 164.

признаки, характеристики, отличающие его от иных понятий и не противоречащие определяющему тезису. Кроме того, при определении понятия обвинения приводится формулировка как об утверждении за совершенное «конкретное деяние, запрещенное законом». Вместе с тем ст. 14 УК РФ содержит норму-дефиницию, раскрывающую понятие преступления и содержащую его сущностные признаки, при отсутствии которых действия или бездействия лиц, хотя формально попадающее под состав преступления, таковой не образуют. Формулировка «конкретное деяние, запрещенное законом», составляющая, на наш взгляд, предмет обвинения, фактически ему не соответствует. Деяние, запрещенное законом, может представлять действия или бездействия лица, которые не имеют общественно опасных последствий, в связи с чем вменять данному лицу обвинение в совершении конкретного преступления невозможно. Кроме того, общественно опасное деяние могут совершить лица в состоянии невменяемости. Указанные лица не подлежат уголовной ответственности, а уголовное производство по делу о преступлении, совершенном лицом в состоянии невменяемости, подлежит прекращению в порядке ст. 439 УПК РФ. В данном случае обвинение лицу, признанному невменяемым, не предъявляется. В связи с изложенным необходимо рассмотреть вопрос о замене формулировки «конкретное деяние, запрещенное законом» в понятии «обвинения» на формулировку «конкретное деяние, содержащее все признаки преступления».

Кроме того, одной из современных проблем понятия обвинения является неполнота разъяснения дефиниции обвинения в уголовно-процессуальном законодательстве. Согласимся с точкой зрения о необходимости дополнения дефиниции «обвинение» в ст. 5 в части установления признака его конкретности и дополнении в разъяснения в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ о данном признаке, как и таких признаках, как точность, ясность и непротиворечивость, на которые нередко ссылается суд при принятии решений. Нередко на основании несоответствия указанным критериям суд возвращает уголовное дело в порядке ст. 237 УПК РФ¹¹. В связи с этим следует согласиться с необходимостью введения вышеназванных критериев в понятие обвинения. Данное дополнение позволит восполнить пробел в уголовно-процессуальном законодательстве в части требований к обвинению как на досудебной, так и на судебных стадиях.

Подводя итоги, отметим, что понятие обвинения в уголовно-процессуальном праве Российской Федерации формировалось исторически и имело изначально контекстное закрепление в источниках уголовно-процессуального права. В начале XX в. в новых кодифицированных нормативных правовых актах уголовного судопроизводства используется юридическая техника дефинитивных норм и вводятся нормы-дефиниции. С введением в 2001 г. УПК РФ вводится норма-дефиниция обвинения, которая отражает позитивную концепцию понимания обвинения.

Мы приходим к выводу, что юридическая техника формирования системы дефинитивных норм уголовно-процессуального законодательства, в частности

¹¹ Карпов А. С. О необходимости установления единых требований к качеству обвинения // Аграрное и земельное право. 2023. № 11 (227). С. 226–228.

понятия обвинения, требует усовершенствования, в том числе уточнения дефиниции обвинения в п. 22 ст. 5 УПК РФ, логически не противоречащей дефиниции преступления и преступного деяния: «Обвинение – утверждение о совершении определенным физическим лицом конкретного деяния либо деяний, содержащих все признаки состава преступления, сформулированное и выдвинутое (предъявленное) в порядке, установленном УПК РФ».

*Московская академия Следственного комитета имени А. Я. Сухарева,
Железногорский межрайонный следственный отдел следственного
управления Следственного комитета Российской Федерации
по Курской области*

*Карпова Г. С., аспирант кафедры уголовного процесса, следователь,
старший лейтенант юстиции*

*Department of Criminal Procedure of the faculty of Sukharev Moscow
Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation,
Interdistrict Investigative Department of the Investigative Committee of the
Russian Federation for the Kurskaya oblast
Karpova G. S., Postgraduate Student, Investigator,
Senior Lieutenant of Justice
E-mail: karpovagalinasergeevna@ya.ru*

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

Рассматривается соотношение уголовного процесса и оперативно-розыскной деятельности с учетом происходящих в обществе технологических изменений – цифровой трансформации. Предлагается законодательно закрепить произошедшую взаимную имплементацию уголовно-правовых и оперативно-розыскных элементов путем включения оперативно-розыскных мероприятий в уголовно-правовой закон на правах негласных следственных действий.

Ключевые слова: уголовный процесс, оперативно-розыскная деятельность, доказательства, оперативно-розыскная информация, негласные следственные действия.

CRIMINAL PROCEDURE AND OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES: PAST, PRESENT, FUTURE

The article examines the relationship between the criminal process and operational investigative activities, taking into account the technological changes taking place in society – digital transformation. It is proposed to legislate the mutual implementation of criminal law and operational investigative elements by including operational investigative measures in the criminal law law on the rights of secret investigative actions.

Ключевые слова: criminal proceedings, operational investigative activities, evidence, operational investigative information, covert investigative actions.

Поступила в редакцию 14 января 2025 г.

Свое начало уголовный процесс, как и сыск (оперативно-розыскная деятельность в современном понимании), берет начало со времени появления государственности. На протяжении многих веков расследование преступлений и сыскная работа являлись двумя сторонами одного процесса, направленного на установление виновного и предание его суду. В процессе развития следственной деятельности произошло выделение сыска в самостоятельное направление. Некоторые исследователи связывают начало этого процесса с изданием в 1907 г. Положения «Об охранных отделениях»¹, которое выделило органы политического сыска в самостоятельное направление. Впоследствии это разделение все больше усиливалось, поскольку росла необходимость скрытия от широкой общественности не только методов проведения негласных мероприятий, но и лиц, в них участвовавших.

Окончательно разделение процессуальной и оперативно-розыскной (сыскной) деятельности оформилось в советский период, когда последняя была выведена не только из сферы уголовного судопроизводства, но и законодательного регулирования. Лишь в 1958 г. в Основах уголовного судопроизводства

¹ Положение об охранных отделениях. 9 февраля 1907 г. URL: http://www.hrono.ru/dokum/190_dok/19070209polic.html (дата обращения: 15.10.2024).

Союза ССР и союзных республик было закреплено положение, обязывающее органы дознания принимать необходимые оперативно-розыскные меры для обнаружения признаков преступлений и лиц, их совершивших². Позднее эта норма была закреплена в ст. 118 УПК РСФСР 1960 г.³

Вместе с тем, как справедливо отмечают некоторые авторы, сыскная работа, став фактически абсолютно негласной, продолжила обеспечивать сферу уголовного судопроизводства необходимыми сведениями⁴.

Первым шагом по выведению оперативно-розыскной деятельности (далее также – ОРД) из зоны исключительно «ведомственного» регулирования стал Закон РФ «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации»⁵. Продолжением этого процесса явилось принятие ныне действующего Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»⁶, закрепление в Уголовно-процессуальном кодексе РФ нормы об использовании в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности (ст. 89) и т. д.

Таким образом, в настоящее время сложилась ситуация, когда не только уголовно-процессуальная деятельность стала продолжением оперативно-розыскной (например, возбуждение уголовного дела на основании результатов ОРД), но произошло их взаимопроникновение, они стали фактически единым целым.

С одной стороны, подавляющее большинство уголовных дел о коррупции, экстремизме, терроризме, незаконном обороте оружия и наркотиков и т. д. возбуждается не иначе как на основе материалов оперативно-розыскной деятельности. Таким образом, результаты ОРД являются носителями информации, которая впоследствии становится основанием для возбуждения уголовного дела или приобретает статус доказательств. С другой стороны, в уголовно-процессуальный закон включены негласные по своей сути следственные действия: наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка (ст. 185 УПК РФ); контроль и запись переговоров (ст. 186 УПК РФ); получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст. 186.1 УПК РФ). Они аналогичны таким оперативно-розыскным мероприятиям, как контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений; прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи. Отличия производства (проведения) тех и других в

² Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик : закон СССР от 25 декабря 1958 г. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 17.10.2024).

³ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : утв. ВС РСФСР 27 октября 1960 г. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 17.10.2024).

⁴ См.: Павличенко Н. В., Тамбовцев А. И. Оперативно-розыскная деятельность и уголовный процесс : вопросы сближения и взаимопроникновения // Вестник Волгоград. академии МВД России. 2019. № 2 (49). С. 10.

⁵ Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации : закон Рос. Федерации от 13 марта 1992 г. № 2506-1. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 17.10.2024).

⁶ Об оперативно-розыскной деятельности : федер. закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 17.10.2024).

рамках расследования уголовного дела заключается в незначительных с процессуальной точки зрения деталях.

В свою очередь Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» получил норму, закрепляющую соблюдение процессуальных требований при составлении протокола об изъятии документов, предметов, материалов во время проведения гласных оперативно-розыскных мероприятий (ст. 15). Кроме того, наблюдается трансформация оперативно-розыскной деятельности из преимущественно имеющей негласный характер в своего рода «заменитель» уголовного процесса, когда по объективным причинам невозможно производство следственных действий или это невыгодно оперативно-розыскным органам. Происходит их подмена проведением гласных оперативно-розыскных мероприятий. Например, вместо обыска проводится обследование помещения, вместо допроса – опрос и т. д., что, по нашему мнению, негативно влияет на соблюдение процессуальных прав будущих участников уголовного процесса, и прав граждан в целом.

Следует констатировать, что де-факто уже произошло объединение процессуальной и оперативно-розыскной деятельности. Необходимо сделать следующий шаг и закрепить это объединение де-юре.

Можно продолжать полемику о доказательственной роли результатов ОРД в уголовном процессе, однако правоприменитель однозначно воспринимает результаты оперативно-розыскной деятельности как доказательства. Существующий порядок представления результатов ОРД следователю превратился в формальную процедуру, в которой следователь выступает не как самостоятельная процессуальная фигура, а в качестве оформителя. Следователь, к сожалению, выполняет работу по исправлению ошибок оперативных сотрудников, допущенных ими при оформлении результатов ОРД и их представлении, а не оценивает эти материалы с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, достаточности для принятия процессуального решения.

Отметим, что и суды зачастую не видят в несоблюдении порядка представления результатов оперативно-розыскной деятельности существенных нарушений, влияющих на формирование доказательств. Например, по одному из уголовных дел следователь приобщил в качестве доказательств CD-диск с видеозаписью, произведенной в ходе ОРД, посредством осмотра места происшествия, которым являлся рабочий стол следователя. Можно только догадываться, что за происшествие там произошло и как «материализовался» диск с записью.

Цифровая трансформация всех сфер общества, в том числе и криминальной, является еще одной причиной не только цифровизации уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности, но и их дальнейшей интеграции. Происходящие изменения повлияли на методику и тактику документирования и расследования преступлений, поскольку изменился механизм следообразования, переместившись из аналогового пространства в пространство цифровое. Это повлекло появление новых способов обнаружения, фиксации, изъятия, копирования доказательственной информации. Ввиду отсутствия в уголовно-процессуальном законе норм, позволяющих адекватно реагировать на изменения цифрового ландшафта, правоприменитель вынужден

адаптировать под нужды уголовного процесса существующие «аналоговые» следственные действия или обращаться к возможностям оперативно-розыскной деятельности, которая оказалась более приспособленной к происходящим изменениям.

С учетом сказанного полагаем, что дальнейшее развитие уголовного процесса будет включать отказ от стадии возбуждения уголовного дела, слияние оперативно-розыскной и процессуальной деятельности в единую, осуществляемую в рамках досудебного расследования, что повлечет за собой изменение процессуальных ролей многих участников уголовного судопроизводства.

Однако остается открытым вопрос, как скоро законодатель обратит внимание на необходимость изменений в рассматриваемой сфере.

*Воронежский филиал государственного университета морского и речного флота имени адмирала С. О. Макарова
Карташов И. И., кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры правовых и гуманитарных наук*

*Voronezh Branch Admiral Makarov State University
of Maritime and Inland Shipping
Kartashov I. I., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Legal and Humanitarian Sciences Department
E-mail: iik_vrn@mail.ru*

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ИССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Рассматриваются основные направления и проблемы использования искусственного интеллекта в уголовно-процессуальном исследовании преступлений в современных условиях. Отмечается, что искусственный интеллект полностью зависит от количества и качества знаний, используемых как первоначальная информация для его обучения. Следовательно, технология искусственного интеллекта на данной стадии своего развития показывает хорошие результаты только в тех областях деятельности, в которых первоначальные данные представлены правильно и в большом объеме. И поэтому в уголовно-процессуальном исследовании преступлений она должна восприниматься исключительно как инструмент, с помощью которого можно получить те или иные имеющие значение для уголовного дела сведения.

Ключевые слова: искусственный интеллект, расследование преступлений, уголовно-процессуальное исследование преступлений, базы знаний, данные, нейронные сети.

PROBLEMS OF USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGY IN CRIMINAL PROCEDURE STUDY OF CRIMES

The article discusses the main directions and problems of using artificial intelligence in the criminal procedural study of crimes in modern conditions. The author notes that artificial intelligence, like natural intelligence, completely depends on the quantity and quality of knowledge used as the initial information used for its training. Consequently, artificial intelligence technology at this stage of its development shows good results only in those areas of activity in which the initial data is presented correctly and in large quantities. And therefore, in the criminal procedural study of crimes, it should be perceived exclusively as a tool with the help of which one can obtain certain information relevant to the criminal case.

Keywords: artificial intelligence, crime investigation, criminal procedural study of crimes, knowledge bases, data, neural networks.

Поступила в редакцию 22 января 2025 г.

Тема использования технологии искусственного интеллекта в уголовно-процессуальном исследовании преступлений является на данный момент одной из самых обсуждаемых.

В соответствии с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 г., утвержденной указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», «искусственный интеллект – комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполне-

нии конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений»¹.

Следует отметить, что научное сообщество разделило понятие искусственного интеллекта на категории *сильного и слабого*. Под слабым искусственным интеллектом понимается алгоритм, способный решать узкоспециализированные проблемы, сильный искусственный интеллект менее ограничен в спектре задач, он способен как минимум на то же, на что способен взрослый человек (например, делать логические выводы и планировать действия)².

Проблема создания сильного искусственного интеллекта на данный момент не решена. Однако в области слабого искусственного интеллекта как инструмента решения специализированных задач удалось добиться значительных успехов. Это связано с массовой оцифровкой и ручной классификацией текстов, фотографий и звуковых записей, а также построением качественно классифицированных баз знаний в цифровом формате, на которых стало возможно тренировать алгоритмы машинного обучения на больших выборках. В результате всё более сложные задачи решаются быстрее, а время обработки накопленных массивов данных сокращается.

На данный момент искусственный интеллект постоянно развивается и проникает в различные сферы деятельности.

На наш взгляд, использование искусственного интеллекта в уголовно-процессуальном исследовании преступлений начинает изменять традиционные методы работы следователей и аналитиков, предоставляя им новые инструменты для борьбы с преступностью. Это обусловлено тем, что в основе процесса раскрытия, расследования и предотвращения преступлений лежит деятельность, включающая аналитику, моделирование и прогнозирование, те же методы заложены в основе технологии больших данных (BigData), позволяющей обрабатывать большие объемы информации разного содержания, иными словами, неструктурированной информации³.

Наиболее эффективным способом организации искусственного интеллекта является искусственная нейронная сеть, под которой понимается информационная система, способная к принятию решений с учетом предыдущего опыта.

Искусственная нейронная сеть – математическая модель, а также ее программное или аппаратное воплощение, построенная как упрощенная

¹ О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») : указ Президента Рос. Федерации от 10 октября 2019 г № 490 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 41. Ст. 5700.

² См.: Шевтелевич Д. Искусственный интеллект : время слабых. URL: <https://russian-council.ru/analytics-and-comments/analytics/iskusstvennyy-intellekt-vremya-slabykh/> (дата обращения: 04.10.2024).

³ См.: Сретенцев Д. Н., Волкова В. Р. Перспективы внедрения систем искусственного интеллекта в сферу расследования преступлений // Российский следователь. 2021. № 11. С. 38–42.

модель человеческого мозга, состоящая из взаимосвязанной сети нейронов, соединенных взвешенными каналами связи. Для того чтобы нейронная сеть могла корректно решать поставленные задачи, требуется провести ее обучение на десятках миллионов наборов входных данных (датасетов). В качестве таких входных данных используется структурированная информация в табличном виде, где у каждого объекта размечены определенные свойства: характеристики, связи или конкретные места. Смысл обучения нейронной сети заключается в том, чтобы в дальнейшем на основе таких входных данных она смогла их классифицировать и строить гипотезы.

На данный момент наиболее распространёнными являются нейросети, связанные с анализом фото- или видеофайлов. Это объясняется в основном тем, что подобный формат позволяет собрать максимальное количество информации – визуальные средства отражают больше всего специфических свойств и характеристик объекта. Но даже в этом случае данный процесс является очень сложным и трудоемким, потому что для создания качественного набора исходных данных (датасетов) необходимо разметить тысячи изображений по заданной тематике.

Такая технология наиболее распространена в интеллектуальных видеосистемах. Активное применение подобного рода систем началось в Москве с 2017 г., а уже спустя два года благодаря биометрической идентификации, используемой в интеллектуальных видеосистемах, было раскрыто более трех тысяч преступлений. Принцип функционирования системы распознавания лиц заключается в сравнении конкретного лица, чье изображение получено из видеопотока, с разыскиваемыми лицами, чьи изображения имеются в специализированной базе. В случае установления тождества система оповещает наряд, расположенный на наименьшем удалении от данного лица. Таким образом, система активно способствует розыску лиц, что повышает процент раскрытия преступлений. Интеллектуальное видеонаблюдение повсеместно внедрено на улицах и в метрополитене Москвы с сентября 2019 г. Данная технология активно развивается, планируется, что отождествление преступников станет возможным не только по лицу, но и радужной оболочке глаза, татуировкам и даже голосу⁴.

Российская компания – разработчик программного обеспечения в области нейронных сетей NTechLab создала для распознавания лиц систему FindFace SDK. Она уже продемонстрировала свою эффективность: в 2019 г. полицией Татарстана при помощи данной системы было задержано 11 лиц, совершивших преступления. FindFace использовалась на чемпионате мира по футболу 2018 г., где с помощью нее было поймано около 200 правонарушителей. Сейчас технологии NTechLab помогают создавать безопасную городскую среду в столице, Санкт-Петербурге, Альметьевске (Татарстан) и Рязани. Система FindFace является частью системы «Безопасный город» в Москве, она позволяет обеспечить

⁴ См.: Скобелев В. МВД при помощи камер начнет искать преступников по татуировкам и походке. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/24/02/2020/5e4fb5af9a7947cfdf5e1e3 (дата обращения: 04.10.2024).

безопасность массовых мероприятий, транспортную безопасность, розыск правонарушителей, розыск людей, пропавших без вести⁵.

Кроме того, есть примеры использования общедоступных нейросетей распознавания лиц. Так, в Челябинской области, расследуя преступление, предусмотренное п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, оперуполномоченный установил лиц, похитивших банковскую карту, следующим образом. Были получены видеозаписи с камер наблюдения, установленных в торговых залах, а также в устройствах «Умный домофон». Затем было проведено оперативно-розыскное мероприятие «Отождествление личности» с использованием нейросетей, общедоступного интернет-сервиса; при проведении мероприятия использовались фотоизображения лиц, полученных с камер видеонаблюдения. В результате было установлено, что имеются совпадения по фотоизображению подсудимого на странице в социальной сети «ВКонтакте»⁶.

Однако обучение нейросетей для анализа других форматов правовой информации оказывается более сложным процессом, что в первую очередь связано с недостаточностью обучающего материала.

«Основная причина недостаточности обучающего материала заключается в самой предметной области, в частности в специфичности юридических текстов, для которых характерно наличие сложных синтаксических конструкций и формализм. Для обучения же нейронной сети, которая сможет анализировать юридические документы и как функция искусственного интеллекта осуществлять прогнозирование, требуются датасеты, содержащие тысячи проанализированных и размеченных юридических документов как нормативного, так и индивидуального характера. И если с доступом к нормативным правовым актам особых проблем не возникает, то с доступом к большим объемам актов правоприменения, а тем более актов реализации права, обнаруживаются сложности. Во-первых, получить подобные юридические тексты в необходимых количествах – достаточно трудная задача, так как возникают вопросы конфиденциальности информации, что влечет за собой ограниченность или недостаток исходных данных.

Во-вторых, при формировании такого датасета требуется участие юриста высокой квалификации, так как ИТ-разработчики, имеющие, как правило, техническое образование, не обладают специальными юридическими знаниями правовых принципов, юридических конструкций, классификаций, не владеют понятийно-категориальным аппаратом юриспруденции, не имеют юридического мышления и достаточных профессиональных компетенций, не знают особенностей российской юридической практики, что может повлечь неадекватность представлений разработчика об особенностях конкретной юридической ситуации, а также возможность субъективной ошибочной интерпретации правовой информации. Недостаточность квалификации может привести к по-

⁵ Березина Е. А. Использование искусственного интеллекта в юридической деятельности // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17, № 12. С. 34.

⁶ См.: Обзор судебной практики по вопросам, связанным с использованием искусственного интеллекта, нейросетей и подобных цифровых технологий (подготовлено экспертами компании «Гарант», 2024 г.). URL: <https://base.garant.ru/481007526/> (дата обращения: 04.10.2024).

явлению “грязного” датасета, содержащего неверно размеченные примеры, что в свою очередь обусловит некорректную работу нейронной сети при дальнейшем использовании в юридической практике⁷. Поэтому в ряде случаев использование искусственного интеллекта требует последующей проверки специалистами генерируемых результатов.

Кроме недостаточности обучающего материала при создании искусственного интеллекта для использования в юридической практике, есть необходимость постоянного дополнительного обучения нейросети в связи с принятием новых нормативных актов, внесения изменений в уже имеющиеся вынесения судебных решений и т. д.

Еще одной проблемой использования искусственного интеллекта является проблема алгоритмической предвзятости. Под предвзятостью понимается возникновение выводов, которые не были прямо заложены в программу ее разработчиком, но возникли в силу самообучения алгоритма.

Алгоритмическая предвзятость была обнаружена в 1970–1980-е гг. в практике Медицинской школы больницы Св. Георгия в Соединенном Королевстве, использовавшей компьютерную программу для первоначального отбора абитуриентов. Программа, которая имитировала выбор, сделанный приемной комиссией в прошлом, отказалась в собеседовании шестидесяти кандидатам, потому что они были женщинами или имели неевропейские имена. Важно, что программный код не был работой какого-то программиста- злоумышленника. Напротив, предвзятость возникла в процессе приема кандидатов потому, что была фактически заложена в данные ранее принятых решений. Компьютерная программа, по сути, лишь усугубила проблему и придала ей видимость объективности. Комиссия Великобритании по расовому равенству признала Медицинскую школу Св. Георгия виновной в расовой и половой дискриминации при приеме абитуриентов в 1988 г.⁸

Как правило, точные причины возникновения предвзятости алгоритма искусственного интеллекта и конкретный шаг, на котором она возникает, практически невозможно отследить и выявить, это может быть неочевидно даже для самих разработчиков алгоритма, потому что в силу принципов работы искусственного интеллекта он не показывает логику решения, а просто сообщает результат.

Таким образом, технология искусственного интеллекта показывает хорошие результаты только в тех областях деятельности, в которых первоначальные данные представлены правильно и в большом объеме. И поэтому в уголовно-процессуальном исследовании преступлений она, на данной стадии ее развития, должна восприниматься исключительно как инструмент, с помощью которого можно получить те или иные имеющие значение для уголовного дела сведения.

⁷ Березина Е. А. Указ. соч. С. 27.

⁸ См.: Харитонова Ю. С., Савина В. С., Паньини Ф. Предвзятость алгоритмов искусственного интеллекта : вопросы этики и права // Вестник Пермск. ун-та. Юридические науки. 2021. № 3. С. 488–515.

Воронежский государственный университет
Краснова Л. Б., кандидат юридических наук,
доцент кафедры криминалистики

Voronezh State University
Krasnova L. B., *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor*
of the Criminalistics Department
E-mail: krasnovva@mail.ru

О. А. Кожевников, И. И. Зайцева

НОРМАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Проблемой правового регулирования прокурорского надзора за исполнением законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности является крайне малый объем нормативного материала. Это нормы двух федеральных законов о прокуратуре и оперативно-розыскной деятельности, а также приказы Генерального прокурора РФ, при том что саму оперативно-розыскную деятельность рассматривают более 20 федеральных законов и большое количество подзаконных нормативных актов. Предлагается решить эту проблему путем включения в Федеральный закон о прокуратуре главы, регламентирующей прокурорский надзор за исполнением законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности.

Ключевые слова: прокурор, прокурорский надзор, оперативно-розыскная деятельность.

REGULATORY REGULATION OF PROSECUTORIAL SUPERVISION OVER THE EXECUTION OF LAWS IN THE IMPLEMENTATION OF OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES

The problem of legal regulation of prosecutorial supervision over the execution of laws in the implementation of operational investigative is its extremely small amount of regulatory material. These are the norms of two Federal laws on the Prosecutor's Office and operational investigative activities, as well as the Orders of the Prosecutor General of the Russian Federation, while that more than 20 federal laws and a large number of subordinate regulations are considering the operational-investigative activity itself. It is proposed to solve this problem by including in the Federal Law on the Prosecutor's Office a chapter regulating the prosecutor's supervision of the execution of laws in the implementation of operational investigative activities.

Key words: prosecutor, prosecutor's supervision, operational investigative activity.

Поступила в редакцию 15 января 2025 г.

К наиболее значимым проблемам прокурорского надзора в оперативно-розыскной деятельности (далее также – ОРД) следует отнести острый дефицит правового регулирования¹, который проявляется в том, что законы Российской Федерации содержат три различные формулировки, связанные с указанным видом надзора. Это надзор:

1) за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность (гл. 3 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»);

¹ См.: Дытченко Г. В. Развитие прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности. М., 2021. С. 86.

2) исполнением Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (ч. 1 ст. 21 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»);

3) оперативно-розыскной деятельностью (название ст. 21 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»).

Причина в том, что ОРД регламентируется не только Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности», но и другими законами. Сейчас действует несколько десятков таких законов, и их количество продолжает увеличиваться². Исходя из этого, трансформируются и средства прокурорского надзора за законностью осуществления ОРД.

Т. И. Железняк считает, что акты, составляющие законодательную основу ОРД, можно подразделить на три группы:

- законодательные акты, непосредственно регулирующие ОРД;
- законодательные акты, регулирующие иные сферы деятельности, но имеющие в своем содержании нормы, прямо относящиеся к ОРД;
- законодательные акты, не имеющие норм, прямо регулирующих ОРД, но опосредованно влияющие на ее осуществление³.

Правда, большинство из них дублирует или конкретизирует Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» (Федеральный закон «О государственной охране», Федеральный закон «О внешней разведке», Федеральный закон «О федеральной службе безопасности», Федеральный закон «О полиции», Закон РФ «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» и др.).

Ряд законов предоставляют дополнительные полномочия отдельным органам ОРД (Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации, Федеральный закон «О наркотических средствах и психотропных веществах», Федеральный закон «О противодействии терроризму»).

Часть законов говорит о гарантиях отдельных лиц, вовлеченных в сферу оперативно-розыскной деятельности (Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Закон «О статусе судей в Российской Федерации», Федеральный закон «О службе в таможенных органах Российской Федерации» и др.).

Некоторые законы возлагают на юридические лица дополнительные обязанности (Федеральный закон «О связи», Федеральный закон «Об инвестиционных фондах», Федеральный закон «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг», Федеральный закон «О негосударственных пенсионных фондах», Федеральный закон «О банках и банковской деятельности», Федеральный закон «О клиринге, клиринговой деятельности и центральном контрагенте» и т. д.).

К законам, имеющим нормы, только опосредованно влияющие на осуществление ОРД, относятся Закон «О Государственной границе Российской Фе-

² См.: Луговик В. Ф. Кодификация как способ совершенствования правового регулирования оперативно-розыскной деятельности // Оперативник (сыщик). 2015. № 1 (42).

³ См.: Железняк Т. И. Проблемы законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2007.

дерации», Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».

Думается, не точен А. Ф. Козусев, сводящий в одну группу источников законодательного регулирования прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности как законы, где упоминается оперативно-розыскная деятельность отдельно взятого органа ОРД, так и законы, говорящие о прокурорском надзоре за исполнением законов этим органом⁴.

Кроме законов, оперативно-розыскную деятельность регламентируют подзаконные акты, в том числе указы Президента РФ (Указ Президента РФ «Об упорядочении организации и проведения оперативно-розыскных мероприятий с использованием технических средств», Указ Президента РФ «О перечне сведений, отнесенных к государственной тайне»), постановления Правительства РФ (Постановление Правительства РФ «Об утверждении Правил взаимодействия операторов связи с уполномоченными государственными органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность», Постановление Правительства РФ «О техническом осмотре транспортных средств органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность», Постановление Правительства РФ «О порядке оказания услуг телефонной связи» и др.). Организацию, методику и тактику производства, регламентирующие их акты руководителей федеральных органов исполнительной власти, обладающих правом осуществления ОРД (МВД РФ, ФСБ РФ, ФТС РФ, ФСО РФ, СВР РФ, ФСИН РФ, МО РФ), А. Ф. Козусев не относит к ведомственному регулированию прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности⁵.

Согласно ч. 2 ст. 1 Федерального закона о прокуратуре она осуществляет надзор «за исполнением законов». Словосочетание «исполнение законов» свидетельствует, что надзорная деятельность прокуратуры должна ограничиваться именно этим⁶. Такое в целом правильное суждение необходимо дополнить следующим.

В связи с тем, что многие общественные отношения в сфере ОРД регламентируются подзаконными нормативными актами, возникает вопрос о возможности осуществления прокурорского надзора за их исполнением. Представляется, что прокуратура вправе осуществлять надзор за их исполнением, но только при условии, что: 1) подзаконные нормативные акты исходят от высших и центральных органов государственной власти; 2) нормативные правовые акты адресованы неопределенному кругу лиц и рассчитаны на длительное применение; 3) акты изданы по специальному полномочию; 4) в подзаконных актах зафиксирован механизм реализации закона⁷.

Также следует согласиться с Г. В. Дытченко, указывающим, что иерархическую структуру правового регулирования прокурорского надзора за исполне-

⁴ См.: Козусев А. Ф. Направления прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности // «Чёрные дыры» в Российском законодательстве. Юридический журнал. 2004. № 1. С. 216–234.

⁵ См.: Там же.

⁶ См. подр.: Аттажитов В. М., Бобров В. Г. К вопросу о нормативном правовом регулировании прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью // Оперативник (сыщик). 2008. № 2 (15). С. 19–22.

⁷ См.: Прокурорский надзор : учебник / под ред. О. А. Кожевникова. М. : Юстиция, 2020.

нием законов в ОРД возможно представить состоящей последовательно из законодательной, ведомственной и межведомственной нормативной основы⁸.

Думается, что все нормативные акты, связанные с прокурорским надзором за исполнением законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности, можно подразделить на две группы.

1. Акты, регламентирующие организацию отдельных правоохранительных органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность (федеральные законы и подзаконные акты федеральных органов исполнительной власти, наделенных правом на осуществление оперативно-розыскной деятельности, раскрывающих методику и тактику производства оперативно-розыскных мероприятий). Тем самым устанавливается круг субъектов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, а также их правовую деятельность (правовое поведение), которая и становится предметом прокурорского надзора, т. е. устанавливает право прокурора на «чужие» действия.

2. Акты, регламентирующие правовой статус прокурора в надзоре за законностью осуществления оперативно-розыскной деятельности (федеральные законы о прокуратуре и об оперативно-розыскной деятельности и акты Генерального прокурора РФ, прокуроров субъектов Федерации и приравненных прокуроров). Эти акты устанавливают полномочия прокурора по выявлению правонарушений и реагированию на них (право на «свои» действия).

Ведомственные акты прокуратуры в свою очередь подразделяются:

- а) на специальные акты, посвященные надзору за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности;
- б) акты, регламентирующие деятельность прокурора в отдельных отраслях или направлениях, где затрагиваются лишь некоторые аспекты надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности;
- в) акты, посвященные каким-то узким проблемам, к разрешению которых привлекаются прокуроры, осуществляющие надзор в различных отраслях⁹.

При этом отсутствие единого перечня законодательно закрепленных полномочий прокурорского надзора за законностью ОРД (специальной нормы, содержащей исчерпывающий перечень таких полномочий) влечет за собой попытки разработки и систематизации таких полномочий в приказах Генерального прокурора РФ, однако требования Приказа Генерального прокурора РФ не имеют юридической силы для поднадзорных органов¹⁰. Исходя из того, что немногочисленные полномочия прокурора в надзоре за законностью осуществления ОРД, содержащиеся в Федеральных законах «О прокуратуре Российской Федерации» и «Об оперативно-розыскной деятельности» и приказах Генерального прокурора РФ, явно недостаточны для эффективного выполнения надзорной функции, следует поддержать Г. В. Дытченко в том, что регулирование прокурорского надзора за исполнением законов в ОРД, а

⁸ См.: Дытченко Г. В. Система правового регулирования прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности по выявлению и раскрытию преступлений // Юридическая мысль. 2015. № 3 (89).

⁹ См.: Козусев А. Ф. Указ. соч.

¹⁰ См.: Дытченко Г. В. Развитие прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности. С. 90.

именно его цели и задач, предмета и пределов, полномочий прокурора, организации, средств и порядка деятельности, должно осуществляться исключительно посредством норм Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» при наличии корреспондирующих норм в законодательстве, регулирующем ОРД поднадзорных органов¹¹. В данной ситуации мы исходим из того, что прокурорский надзор за исполнением законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности представляет собой отдельное направление прокурорско-надзорной деятельности, имеющее свои задачи, предмет, нормативную базу, а также полномочия и правовые средства.

*Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковleva
Кожевников О. А., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры
судебной деятельности и уголовного процесса*

*Зайцева И. И., кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры судебной деятельности уголовного процесса*

*Ural State Law University named after V. F. Yakovlev
Kozhevnikov O. A., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate
Professor of the Judicial Activity and Criminal Procedure Department
E-mail: o-kozhevnikov@yandex.ru*

*Zaitseva I. I., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor
of the Judicial Activity and Criminal Procedure Department
E-mail: Ir-zaytseva@rambler.ru*

¹¹ См.: Дытченко Г. В. Развитие прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности. С. 90.

К ВОПРОСУ ОБ ОПЛАТЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОМУ СОПРОВОЖДЕНИЮ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО

Приводится анализ действующих нормативных и организационных механизмов оплаты труда педагогов и психологов, принимающих участие в судебно-следственных действиях, производимых с лицом, не достигшим совершеннолетнего возраста.

Ключевые слова: педагог, психолог, уголовное судопроизводство, несовершеннолетние, оплата труда, проблемы, решения.

ON THE ISSUE OF PAYMENT FOR PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SUPPORT OF CRIMINAL PROCEEDINGS INVOLVING A MINOR

The article provides an analysis of the current regulatory and organizational mechanisms of remuneration for teachers and psychologists involved in judicial investigative actions carried out with a person under the age of majority.

Key words: teacher, psychologist, criminal proceedings, minors, remuneration, problems, solution.

Поступила в редакцию 21 января 2025 г.

Вовлечение несовершеннолетнего в орбиту уголовной юстиции вне зависимости от его процессуального статуса представляет опасность для его психического здоровья и психологического состояния.

Для несовершеннолетнего субъекта со стороны защиты (подозреваемый, обвиняемый, подсудимый) названные риски тем больше, чем менее ребенок был криминализирован, а совершенный поступок есть результат неосознанной ошибки или обусловленной жизненными обстоятельствами нужды.

Для несовершеннолетнего со стороны обвинения (потерпевший) или для несовершеннолетнего свидетеля высок риск психотравмирования или вторичной виктимизации, вызванный процессуальной необходимостью обращения к обстоятельствам совершенного преступления, жертвой или очевидцем (свидетелем) которого ребенок стал.

Названные риски, помимо снисходительного отношения законодателя к регулированию производства следственных действий с участием несовершеннолетнего, обусловливают необходимость интервенции в уголовный процесс специалистов, чей профессиональный опыт и знания способны не только нивелировать указанные риски, но и обеспечить получение от ребенка информации, необходимой для дальнейшего расследования и разрешения уголовного

дела. В качестве таковых в уголовном судопроизводстве выступают психологи и педагоги (совместно или по отдельности).

Однако небезызвестен факт, что порядок и правила оплаты труда педагогов и психологов как участников уголовного судопроизводства официально не установлены, хотя фактически это такие же специалисты, реализующие в сравнении со специалистами в уголовно-процессуальном толковании этого термина (ч. 1 ст. 58 УПК РФ) весьма специфическую и трудозатратную функцию.

Такое положение дел способно демотивировать названных лиц на участие в таком выходящем за рамки их повседневной деятельности мероприятии, как производство следственного действия, что безусловно отрицательно скажется на эффективности действий, необходимых для осуществления ими в рамках уголовного судопроизводства и, как следствие, приведет к недолжной защите ребенка, вовлеченного в уголовное судопроизводство, от психотравмирующих факторов.

Отсюда следует, что оплата труда названных специалистов, будучи не приоритетным вопросом для целей повышения их профессионализма и вовлеченности в процедуру охраны психического здоровья несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства, но в совокупности с остальными направлениями совершенствования психолого-педагогического сопровождения уголовного судопроизводства является компонентом повышения эффективности дополнительных процессуальных гарантит для несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства и обеспечения дружественного к ребенку правосудия, реализации стратегической деятельности по воспитанию молодого поколения, что неоднократно являлось предметом регулирования различных политико-правовых актов¹.

Говоря о возможных направлениях решения обозначенной проблемы, необходимо отметить нормативное установление того, что основной целью образовательной деятельности педагога² от дошкольного до общего среднего образования является оказание образовательных услуг по основным общеобразовательным программам³, в то время как сведения о его участии в уголовном процессе в качестве должностных обязанностей отсутствуют. Участие педагога в уголовном процессе не является критерием оценки его профессиональной деятельности при проведении аттестации⁴, равно как и в должност-

¹ Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-Р. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 29.09.2024) ; О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы : указ Президента Российской Федерации от 1 июня 2012 г. № 761. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 29.09.2024).

² В данном случае речь идет об учителях, воспитателях, преподавателях.

³ Об утверждении профессионального стандарта «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель) : приказ Минтруда России от 18 октября 2013 г. № 544н // Российская газета. 2013. № 285. 18 дек.

⁴ Об утверждении Порядка проведения аттестации педагогических работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность : приказ Минпросвещения России от 24 марта 2023 г. № 196. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 29.09.2024).

ных инструкциях педагогов, отобранных для изучения, в числе которых есть и утвержденные органами публичной власти в качестве типовых⁵.

Такое положение дел говорит о том, что подобная работа для педагога является дополнительной и, как следствие, подлежит дополнительной оплате, что становится особо актуальным в свете принятого Конституционным Судом Российской Федерации акта, разъясняющего особенности оплаты труда педагогов в части исполнения основных рабочих обязанностей и выполнения дополнительно возлагаемой на них работы⁶.

В случае с должностью педагога-психолога, также являющейся одной из должностей педагогических работников, поименованных в официальном перечне⁷, ситуация иная, поскольку соответствующие нормативные акты возлагают на названного специалиста конкретные обязанности по работе с детьми, вовлеченными в уголовное судопроизводство⁸.

Однако и в данном случае обозначенная проблема не решается, поскольку речь о психолого-педагогическом сопровождении ребенка – участника судебно-следственной ситуации идет исключительно в рамках образовательного процесса, тогда как очевидно, что уголовное судопроизводство и процессуальные мероприятия, участие в которых закон предписывает педагогу и психологу (в том числе педагогу-психологу) находятся за пределами такового, а значит, являются дополнительной нагрузкой для педагога-психолога, в связи с чем у него, как и у любого другого педагогического работника, объективно возникает право на оплату своего труда. Однако и такой практики не было найдено при изучении названного вопроса, поскольку, как правило, участие в уголовно-процессуальных мероприятиях педагога-психолога приравнивается к его рядовым обязанностям и дополнительно не стимулируется.

Таким образом, первым направлением выхода из сложившейся ситуации об отсутствии механизмов оплаты труда педагога или психолога, вовлеченного в уголовное судопроизводство с участием несовершеннолетнего, является установление соответствующей материальной стимуляции на локальном уровне, к которому следует относить не только определенные финансово-распорядительные документы и положения в каждом конкретном учебном заведении (образовательной организации), но и региональную законодательную

⁵ Об утверждении типовых Должностных инструкций : приказ Министерства образования Пензенской области от 28 октября 2022 г. № 534/01-07. URL: <https://minobr.pnzreg.ru/> (дата обращения: 29.09.2024).

⁶ По делу о проверке конституционности статьи 129, частей первой и третьей статьи 133, частей первой – четвертой и одиннадцатой статьи 133.1 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Е. Н. Харюшевой : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 сентября 2024 г. № 40-П. URL: <https://ksrf.ru/> (дата обращения: 29.09.2024).

⁷ Об утверждении номенклатуры должностей педагогических работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность, должностей руководителей образовательных организаций : постановление Правительства Российской Федерации от 21 февраля 2022 г. № 225 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 9 (ч. I). Ст. 1341.

⁸ Педагог-психолог (психолог в сфере образования) : профессиональный стандарт (утв. приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 24 июля 2015 года № 514н). URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 29.09.2024).

практику, единообразие которой, как видится, так или иначе должно обеспечиваться соответствующими стандартами, утвержденными выше.

Рассуждая об альтернативах представленному выше направлению разрешения сложившейся ситуации, внимание прежде всего следует обратить на действующее и зарекомендовавшее себя положительным образом правительственные регулирование, позволяющее компенсировать специалистам, участвующим в уголовном судопроизводстве, их трудозатраты и иные расходы, понесенные ими для соответствующих целей⁹. В буквальном прочтении его положений о материальной стимуляции специалистов – участников уголовного судопроизводства и компенсации понесенных ими расходов видится, что механизм состоялся и охватывает, на первый взгляд, многие детали, в том числе такие, как оплата логистических издержек, что особо важно, если обстоятельства уголовного дела, степень психотравматизации или криминализации ребенка – участника уголовного судопроизводства обусловливают необходимость привлечения более опытного педагога, находящегося в значительном отдалении от места предварительного расследования (судебного следствия). При этом все формулировки, например о выплатах специалистам соответствующего вознаграждения через письменно предоставляемое финансово-экономическое обоснование, видятся в полной мере применимыми и к труду педагога или психолога в уголовном деле, поскольку таковые формулировки обобщены и если и потребуют каких-либо уточнений, то не столько концептуальных, сколько юридико-технических и тех, что учат специфичность осуществляющей названными лицами функции в уголовном судопроизводстве. Названное позволяет сделать вывод о втором и, на взгляд автора, ключевом решении обозначенной проблемы посредством соответствующих правотворческих решений на *федеральном* уровне.

Примечателен в этом отношении и опыт союзного государства – Республики Беларусь, где регламентирован порядок и организация деятельности по привлечению педагога или психолога к участию в уголовном деле. Так, образовательным организациям нормативно предписано определять перечень педагогических работников, что будут привлекаться к участию в уголовном судопроизводстве, определять своего рода графики дежурств педагогов для более оперативного обеспечения их присутствия на следственных действиях, цели такого присутствия и некоторые гарантии названных лиц¹⁰. Однако и этот акт

⁹ О порядке и размере возмещения процессуальных издержек, связанных с уголовным судопроизводством, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации и о признании утратившими силу некоторых актов Совета Министров РСФСР и Правительства Российской Федерации (вместе с «Положением о возмещении процессуальных издержек, связанных с уголовным судопроизводством, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации») : постановление Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2012 г. № 1240 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 50 (ч. 6). Ст. 7058.

¹⁰ Об утверждении Положения о порядке привлечения педагога (психолога) для участия в уголовном процессе : постановление Совета министров Республики Беларусь от 24 октября 2001 г. № 1533. URL: <https://belarus.garant.ru> (дата обращения: 29.09.2024).

не лишен недостатков, поскольку прямое регулирование оплаты труда педагогов или психологов, привлеченных к производству следственных действий с участием несовершеннолетнего, отсутствует и в некоторой степени также создает определенные трудности для названных специалистов, например, допуская их доставление на место проведения процессуальных действий и обратно только в ночное время. Вместе с тем такой опыт создает вполне состоятельные предпосылки для конструктивных решений, в том числе в отечественном правовом поле.

Таким образом, следует констатировать, что пути разрешения сложившейся проблемы существуют, и при получении должного импульса нормотворческий потенциал может быть раскрыт максимально, поскольку почва для трансформаций имеется и необходимо лишь определить, во-первых, какой из путей будет наиболее приемлем, а во-вторых, допустимо ли сочетание указанных направлений.

*Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых
Новожилов В. А., аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин,
общественный представитель Уполномоченного по правам ребенка
в Ярославской области*

*Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletov
Novozhilov V. A., Postgraduate Student of the Criminal Law Department,
Public Representative of the Ombudsman for Children's Rights
in the Yaroslavl Region
E-mail: vad.novozhilov@yandex.ru*

Е. В. Попаденко, Е. В. Красильникова
К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ
ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В СУДЕ
С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

Судебное следствие является центральной частью судебного разбирательства, что особенно ярко проявляется в суде с участием присяжных заседателей, где оно нацелено на то, чтобы предоставить присяжным заседателям общую картину фактов по данному уголовному делу и убедить их в правильности своей позиции по делу. Между тем анализ судебной практики дает основания полагать, что подготовка к этапу исследования доказательств требует более вдумчивого подхода, чем для ординарного процесса.

Ключевые слова: судебное следствие, суд с участием присяжных заседателей, доказывание.

**ON THE QUESTION OF THE FEATURES OF THE COGNITIVE
PROCESS IN COURT WITH THE PARTICIPATION OF A JURY**

The judicial investigation of the parties is the central part of the trial, which is especially evident in the jury trial, where they are aimed at giving the jury a general picture of the facts of the criminal case and convince them of the correctness of their position in the case. Meanwhile the analysis of judicial practice gives suggests to think that the preparation for process of proof requires a quality approach, because preparation for the evidence investigation stage requires a more thoughtful approach than for the ordinary process.

Key words: judicial investigation, trial by jury, process of proof.

Поступила в редакцию 24 января 2025 г.

Судебное следствие является центральной частью судебного разбирательства, что особенно ярко проявляется в суде с участием присяжных заседателей. Как правильно отмечает Т. А. Владыкина, именно в ходе судебного следствия производится исследование судом с участием сторон всех доказательств, необходимых для вынесения присяжными заседателями вердикта, а следовательно, закладывается фундамент законного, обоснованного, справедливого приговора¹. Вместе с тем судебное следствие при рассмотрении уголовного дела в составе профессионального судьи (судей) и судебное следствие в суде с участием присяжных заседателей существенно различаются. Так, Л. Б. Алексеева приходит к выводу о выделении процессуальных, организационно-процессуальных и психологических особенностей судебного следствия в суде с участием присяжных заседателей².

¹ См.: Владыкина Т. Особенности судебного следствия в суде с участием присяжных заседателей // Уголовное право. 2013. № 2. С. 92.

² См.: Алексеева Л. Б. Судебное следствие. Прения сторон. Возвращение дела на дополнительное расследование со стадии судебного разбирательства // Рассмотрение дел судом присяжных : науч.-практ. пособие / отв. ред. В. М. Лебедев. М., 1998. С. 141–142.

Процессуальные особенности судебного следствия в суде с участием присяжных заседателей обусловлены прежде всего тем, что институт присяжных заседателей предполагает «такое разграничение функций между профессиональным судьей и коллегией присяжных, при котором разрешение вопросов факта... относится к компетенции присяжных заседателей»³. Это означает, что судебное следствие четко делится на два этапа (с участием присяжных заседателей и без участия присяжных заседателей), каждый из которых имеет свой предмет доказывания.

Организационно-процессуальные особенности судебного следствия в суде с участием присяжных заседателей связаны с порядком исследования доказательств: присяжные заседатели не являются профессиональными судьями, поэтому необходимо тщательно продумывать тактику представления доказательств, своевременно реагировать на отступление кем-либо из участников процесса от установленных законодательством процедур и т. п.

Психологические особенности обусловлены опасностью психологического воздействия на присяжных заседателей, что может вызвать у них предубеждение в отношении подсудимого и тем самым сказаться на вынесении вердикта. Например, в своем исследовании О. А. Гулевич приводит следующие социodemографические и физические особенности подсудимого, оказывающие влияние на решение присяжных:

- присяжные заседатели с большей вероятностью обвинят подсудимого с низким социоэкономическим статусом, чем с высоким;
- присяжные заседатели более склонны к обвинению подсудимого, не знающего их родного языка;
- внешне привлекательные подсудимые оцениваются присяжными заседателями как менее опасные и др.⁴

В связи с тем, что анализ психологических факторов, влияющих на вердикт присяжных заседателей, требует специального исследования, в настоящей работе авторы ограничились только анализом процессуальных особенностей судопроизводства, непосредственно отраженных в законодательстве.

По сравнению с ординарным судопроизводством, в котором судебное следствие начинается с изложения государственным обвинителем предъявленного подсудимому обвинения, судебное следствие с участием присяжных заседателей начинается со вступительных заявлений государственного обвинителя и защитника. Основной целью вступительных заявлений сторон является ознакомление присяжных заседателей с обстоятельствами уголовного дела. Ученые, исследовавшие психологические аспекты суда с участием присяжных заседателей, особо отмечают этот этап производства: в начале судебного процесса присяжные внимательнее относятся к происходящему и воспринимают

³ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Маркова Василия Александровича на нарушение его конституционных прав частью пятой статьи 348 и статьи 379 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 24.12.2013 № 2003-О. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

⁴ См.: Гулевич О. А. Психология в суде присяжных. Аналитический обзор : учебное пособие. М., 2003. С. 85–87.

максимальное количество информации, в связи с чем обращение их внимания на те или иные доказательства будет способствовать их более легкому усвоению в дальнейшем⁵.

В соответствии с ч. 2 ст. 335 УПК РФ во вступительном заявлении государственный обвинитель излагает существо предъявленного обвинения, т. е. тезис, который надлежит обосновать стороне обвинения в ходе судебного следствия на основании представленных доказательств, указывает на доказательства, с помощью которых им будет обосновываться предъявленное обвинение, и предлагает порядок исследования этих доказательств. При этом государственный обвинитель в своем вступительном заявлении не обязан оглашать полностью обвинительное заключение, а лишь представить краткое и понятное для присяжных заседателей изложение сущности предъявленного обвинения⁶.

Вступительное заявление защитника согласно ч. 3 ст. 335 УПК РФ, представляет собой высказывание согласованной им с подсудимым позиции по предъявленному обвинению и изложение порядка исследования доказательств, представляемых защитой. При этом важно помнить, что защитник произносит свое вступительное заявление после вступительного заявления государственного обвинителя, а следовательно, так или иначе должен учитывать изложенные обстоятельства. Р. Гаррис описывал основную задачу защитника на этом этапе судебного разбирательства следующим образом: «Ваша задача – изложить существо того, что вы собираетесь доказать. Это надо сделать так, чтобы, когда затем улики, являющиеся на судебном следствии обыкновенно в отрывочных и часто далеко разбросанных частях, будут одна за другой представляться присяжным, последние могли видеть связь каждой из них со всеми предыдущими, а затем и со всем судебным материалом и оценить их значение»⁷.

Таким образом, во вступительных заявлениях государственный обвинитель и защитник доводят до сведения суда свою позицию по уголовному делу. Каких-либо требований к содержанию вступительных заявлений государственного обвинителя и защитника закон не содержит, в связи с этим попытаемся восполнить этот пробел и выскажем некоторые рекомендации по содержанию вступительного заявления.

1. Излагаемая по уголовному делу позиция должна быть краткой, но в то же время емкой и понятной присяжным заседателям. Вполне допустимо использование в ходе вступительного заявления различных наглядных материалов. Верховный Суд РФ подтвердил это в одном из своих определений, обратив вместе с тем внимание, что обязательным условием при этом является разъяснение присяжным заседателям, что используемые материалы применяются для наглядности и доказательством не являются⁸.

⁵ См.: Гулевич О. А. Психология в суде присяжных. Аналитический обзор : учебное пособие. М., 2003. С. 172.

⁶ Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 10 июля 2013 г. № 93-АПУ13-5СП. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ Гаррис Р. Школа адвокатуры. Руководство к ведению гражданских и уголовных дел. СПб., 1911. С. 31.

⁸ Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 9 октября 2013 г. № 78-АПУ13-35СП. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Вступительное заявление должно касаться только тех обстоятельств, которые подлежат установлению присяжными заседателями, т. е. вопросов фактов. В частности, не следует во вступительном заявлении сообщать сведения:

а) о личности участников процесса, не подлежащие исследованию с участием присяжных заседателей. Например, во вступительном заявлении защитник сообщил присяжным заседателям, что «все потерпевшие – наркодельцы, получившие срок, и теперь сводят счеты с подсудимым»⁹, это стало одним из оснований отмены приговора. Другой пример: во вступительном заявлении защитник, высказывая отношение к обвинению, произнёс, что подсудимый – «порядочный человек, семьянин, известный в обществе», председательствующий судья прервал выступление адвоката и обратился с просьбой к присяжным заседателям не принимать во внимание данное обстоятельство¹⁰;

б) о применении в ходе расследования уголовного дела недозволенных методов, о некомпетентности органов предварительного расследования, о недопустимых доказательствах и их фальсификации органами предварительного следствия. Например, во вступительном заявлении защитник заявил, что «данное дело сфальсифицировано и не доказано»¹¹, что стало одним из оснований отмены приговора.

3. Вступительное заявление не должно касаться оценки доказательств, поскольку присяжные заседатели, в отличие от профессионального судьи, имеют возможность ознакомиться с имеющимися в уголовном деле доказательствами только в рамках судебного заседания, соответственно эти доказательства еще не были ими исследованы. При этом не запрещается упоминать об имеющихся доказательствах, не раскрывая их сути. Например, во вступительном заявлении защитник сообщил о том, что в судебном заседании будет допрошен свидетель Д. – исполнитель убийства. Верховный Суд РФ, рассматривая кассационную жалобу, пришел к выводу, что само по себе сообщение о предстоящем исследовании конкретных доказательств не противоречит требованию закона о том, что стороны во вступительном заявлении предлагают порядок исследования представляемых доказательств¹². Вместе с тем вполне допустимо высказывать свое мнение о виновности или невиновности подсудимого, доказанности или недоказанности обвинения и т. п. Так, осужденный Л. в качестве одного из доводов указал в своей жалобе, что государственный обвинитель во вступительном заявлении высказывал мнение по существу обвинения, тем самым нарушив принцип презумпции невиновности. Верховный Суд РФ, рассматривая данную жалобу, не признал этот довод состоятельным¹³.

⁹ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 3 февраля 2011 г. № 4-О11-2СП. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁰ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 4 марта 2013 г. № 78-О13-11СП. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹¹ Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 6 мая 2013 г. № 78-АПУ13-5СП. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹² Кассационное определение Верховного Суда РФ от 4 марта 2013 г. № 78-О13-11СП. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹³ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 18 марта 2011 г. № 5-О11-45СП. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Важно соблюдать баланс – высказывая свою позицию по уголовному делу, ни защитник, ни государственный обвинитель не должны вступать в полемику друг с другом, тем более с председательствующим судьей. Так, во вступительном заявлении защитник начал свою речь с того, что стал разъяснять роли участников процесса, на что председательствующий судья сделал ему замечание. Несмотря на обращение судьи, адвокат продолжил, сообщив присяжным заседателям, что «не все так просто, сухо и прагматично, как указано в законе относительно их роли», чем вступил в пререкание с председательствующим судьей¹⁴.

5. Не следует упоминать во вступительном заявлении об обстоятельствах, которые вообще не относятся к рассматриваемому уголовному делу. Например, во вступительном заявлении защитник отметил, что он не будет говорить об объеме и законности предъявленного обвинения и просит присяжных заседателей «лишь вспомнить о том, что по делу маньяка Чикатило расстреляно трое невинных людей»¹⁵; по другому уголовному делу защитник сказал: «...15 миллионов долларов США, Вы только представьте, это же порядка 200 кг денег, как можно перевести такие деньги...»¹⁶. Подобные высказывания, сделанные в ходе вступительных заявлений, были расценены вышестоящей инстанцией как нарушение уголовно-процессуального закона, несмотря на то что председательствующие судьи останавливали адвокатов и разъясняли присяжным заседателям не принимать во внимание такие реплики.

В итоге оценку законности вступительного заявления дает председательствующий судья, но сами стороны также могут высказать несогласие с содержанием вступительного заявления. Во всяком случае, такой вывод напрашивается исходя из анализа судебной практики¹⁷.

В соответствии с ч. 3 ст. 335 УПК РФ государственный обвинитель и защитник в своих вступительных заявлениях высказывают мнения о порядке исследования представленных ими доказательств и могут предлагать различные его варианты, в том числе те, которые существенно отличаются от вариантов, предлагаемых оппонентом. При этом указание порядка исследования доказательств не ограничивает стороны в праве отказаться в дальнейшем от исследования тех или иных доказательств либо исследовать другие доказательства, о которых не было упомянуто во вступительном заявлении¹⁸.

¹⁴ Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 2 октября 2013 г. № 11-АПУ13-28СП. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁵ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 7 июля 2010 г. №18-О10-18СП. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁶ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 24 января 2013 г. № 5-О12-137СП. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁷ См., например: Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 17 ноября 2016 г. № 49-АПУ-19СП ; кассационное определение Верховного Суда РФ от 18 марта 2008 г. № 74-007-63сп. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁸ См.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Юркина Игоря Васильевича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 335 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 21 марта 2013 г. № 362-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

После вступительных заявлений государственного обвинителя и защитника суд переходит к исследованию доказательств. В целом исследование доказательств в суде с участием присяжных заседателей проводится по правилам, предусмотренным главой 37 УПК РФ. Однако при исследовании доказательств в ходе судебного следствия в присутствии присяжных заседателей важно помнить о следующих моментах:

– исследуемые доказательства должны касаться только тех обстоятельств, которые подлежат установлению присяжными заседателями;

– данные о личности подсудимого, как указано в ч. 8 ст. 335 УПК РФ, исследуются с участием присяжных заседателей только в той мере, в какой это необходимо для установления отдельных признаков состава преступления, однако анализ судебной практики позволяет утверждать, что исследование подобных сведений с участием присяжных заседателей распространяется и в отношении других участников уголовного процесса¹⁹.

Сказанное обуславливает и некоторые особенности исследования отдельных видов доказательств в судебном следствии с участием присяжных заседателей. В частности, Верховным Судом РФ была сформирована практика о неприемлемости исследования с участием присяжных заседателей заключения психофизиологической экспертизы обвиняемого, поскольку исследования с использованием полиграфа не являются доказательствами по уголовному делу и вследствие этого не должны оцениваться присяжными заседателями²⁰.

Одним из сложных вопросов является исследование с участием присяжных заседателей так называемых «шокирующих» доказательств, в качестве которых могут выступать вещественные доказательства, фотографии и т. п. Дело в том, что демонстрация подобных материалов может оказать на присяжных заседателей чрезмерное эмоциональное воздействие и тем самым сформировать негативное отношение к подсудимому до вынесения в отношении него вердикта. Так, суд отказал государственному обвинителю в исследовании фотографии осмотра трупа, посчитав, что внешний вид вскрытых трупов может оказать на присяжных заседателей эмоциональное воздействие²¹. С другой стороны, указанные доказательства могут иметь существенное значение для установления обстоятельств дела, например, исследование фотографий, выполненных при осмотре места происшествия²².

¹⁹ См.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Казакбаева Михаила Агойлиновича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 15 и частью восьмой статьи 335 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»; п. 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2005 г. № 23 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей: определение Конституционного Суда РФ от 11 мая 2012 г. № 686-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁰ См., например: Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 11 января 2018 г. № 44-АПУ17-23СП ; кассационное определение Верховного Суда РФ от 6 июня 2012 г. № 19-О12-13СП ; кассационное определение Верховного Суда РФ от 5 мая 2011 г. № 41-О11-43СП. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²¹ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 1 ноября 2006 г. № 41-Щ06-677СП. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²² Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 13 декабря 2017 г. № 5-АПУ17-116СП. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Как и в ординарном судебном разбирательстве, в суде с участием присяжных заседателей самым распространенным следственным действием является допрос. В целом допрос лиц в ходе судебного следствия с участием присяжных заседателей производится по тем же правилам, что и в обычном судебном заседании. Однако председательствующий судья вправе отказать в удовлетворении ходатайства стороны о допросе с участием присяжных заседателей лица²³, чьи показания касаются обстоятельств, не подлежащих установлению присяжными заседателями (даже в ситуации, предусмотренной ч. 4 ст. 271 УПК РФ). Это же правило относится к вопросам, задаваемым сторонами допрашиваемым: председательствующий судья вправе отклонить любой вопрос, если он касается обстоятельств, доказанность которых не устанавливается присяжными заседателями либо касается данных о личности участников процесса, в случаях, когда такие сведения не подлежат исследованию с участием присяжных заседателей.

Как и в ординарном судопроизводстве, судебное разбирательство с участием присяжных заседателей может проводиться только в отношении подсудимого. Это означает, что в судебном заседании не должен обсуждаться вопрос о причастности третьих лиц, не являющихся подсудимыми по данному уголовному делу. Так, М. обвинялся в разбойном нападении с применением огнестрельного оружия и убийстве С. в целях завладения его имуществом. В ходе судебного заседания подсудимый утверждал о своей непричастности и заявлял, что преступления могли быть совершены свидетелем С. при соучастии его знакомого. В нарушение уголовно-процессуального закона в ходе судебного разбирательства исследовались версии о причастности к этим преступлениям лиц, не привлеченных к уголовной ответственности²⁴, что и послужило основанием к отмене приговора.

Северо-Западный институт (филиал) Университета
им. О. Е. Кутафина (МГЮА)
Попаденко Е. В., кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса

Красильникова Е. В., кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса

North-West Institute (branch) of the O. E. Kutafin University (MGLA)
Popadenko E. V., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Criminal Procedure Department

Krasilnikova E. V., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Criminal Procedure Department
E-mail: skrivelse-kev@yandex.ru

²³ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 10 января 2013 г. № 84-О12-25СП. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁴ Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 1 марта 2018 г. № 49-АПУ18-1СП. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Т. К. Рябинина, Д. О. Чистилина

ТЕОРЕТИКО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПРЕДМЕТА И ПРЕДЕЛОВ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Приводятся различные подходы к определению понятий «предмет доказывания» и «пределы доказывания». Для формирования правильного представления о сущности данных понятий необходимо систематизировать накопленную информацию, обеспечить правильное использование понятий, чтобы устранить двусмысличество и многозначность толкования закона на практике.

Ключевые слова: предмет доказывания, пределы доказывания, субъекты доказывания, состав преступления, объективная истина, цель доказывания.

THEORETICAL AND PRACTICAL APPROACH TO THE DEFINITION OF THE SUBJECT AND THE LIMITS OF PROOF IN A CRIMINAL CASE

The article presents various approaches to the definition of the concepts of "subject of proof" and "limits of proof". In order to form a correct understanding of the essence of these concepts, it is necessary to systematize the accumulated information, ensure the correct use of concepts in order to eliminate ambiguity and ambiguity of interpretation of the law in practice.

Key words: subject of proof, limits of proof, subjects of proof, corpus delicti, objective truth, purpose of proof.

Поступила в редакцию 13 января 2025 г.

Предмет и пределы доказывания – это одни из ключевых понятий уголовно-процессуальной науки. Ядром уголовно-процессуальной деятельности является доказывание, которое пронизывает все стадии уголовного процесса. Именно познавательный элемент процесса доказывания дает возможность установить все обстоятельства произошедшего и представить суду версию, максимально приближенную к реальности.

Вся доказательственная деятельность носит поисковый характер и имеет две стороны: удостоверительную и содержательную. Содержательная сторона представляет собой обнаружение и получение сведений об обстоятельствах, входящих в предмет доказывания. Данная деятельность раскрывается как необходимость установить наиболее полную картину произошедшего, получая информацию из различных источников. Удостоверительная же сторона предписывает фиксировать полученные данные в установленном уголовно-процессуальным законом порядке. Данное требование в большей степени относится к соблюдению уголовно-процессуальной формы, в рамках которой строго регламентирован процесс созиания, проверки и оценки доказательств. Любое отступление от установленного порядка неминуемо приведет к невозможности

сти в последующем использовать полученную информацию в качестве доказательств.

В связи с этим обе стороны процесса доказывания имеют важное теоретическое и прикладное значение, особенно в свете необходимости установления определенных обстоятельств, указанных в законе.

В ходе практической деятельности и теоретических изысканий были выявлены обстоятельства, которые подлежат доказыванию по большинству уголовных дел. Законодатель аккумулировал их в ст. 73 УПК РФ. Перечисленные обстоятельства составляют предмет доказывания, который можно соотнести с таким уголовно-правовым понятием, как «состав преступления». Именно его необходимо установить в ходе расследования по уголовному делу, что в итоге окажет влияние на окончательную квалификацию преступления. Элементы состава преступления включают в себя составляющие предмета доказывания. Так, объективной стороне преступления соответствует необходимость четко понимать, где, как и когда было совершено противоправное деяние; субъективной стороне важен мотив и вина в совершении преступления; объекту соответствуют характер и размер вреда, причиненного преступлением; субъект составляет характеристику личности обвиняемого и др.

Таким образом, основным стремлением органов расследования должно стать установление обстоятельств, подлежащих доказыванию, для правильной уголовно-правовой квалификации деяния¹.

В науке существует несколько подходов к определению понятия «предмет доказывания». Законодатель определил предмет доказывания достаточно просто, не раскрывая его черт, но отразив сущность, так как, по сути, обстоятельства, подлежащие доказыванию, являются его ядром. Ученые-процессуалисты же стремятся к более глубокому пониманию данного определения. Например, К. Н. Горбачёв считает, что «...предмет доказывания следует определять как совокупность обстоятельств, которые нужно в обязательном порядке установить в рамках расследования каждого уголовного дела в целях достижения задач уголовного процесса, указанных в ст. 6 УПК РФ»². Позволим себе не согласиться с ним, так как в ст. 73 УПК РФ определен наиболее общий круг обстоятельств, который может подходить далеко не к каждому уголовному делу. Поэтому такое условие, как обязательность, следует исключить из приведенного определения, ведь каждое преступное событие уникально по своим обстоятельствам.

С. А. Шейфер предлагал рассматривать предмет доказывания с учетом материально-правовой основы, трактуя его более широко и предлагая трехуровневый подход. Первый уровень – обобщенный, его содержание и структура полностью совпадают и регламентированы ст. 73 УПК РФ и нормами УК РФ. Второй уровень уже предполагает определение юридических признаков

¹ См.: Чистилина Д. О. К вопросу об участии понятых в ходе следственных действий // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : достижения и проблемы применения : сборник материалов III Междунар. студенческой науч.-практ. конференции / отв. ред. Т. К. Рябинина. Курск : Университетская книга, 2016. С. 215–220.

² Горбачев К. Н. Понятие и предмет уголовно-процессуального доказывания // Молодой ученый. 2020. № 17 (307). С. 184.

конкретного состава преступления в соответствии с уголовно-правовой квалификацией деяния с учетом дополнения иных норм уголовно-процессуального законодательства и других отраслей права. Учет же индивидуальных особенностей каждого совершенного преступления будет осуществлен на третьем уровне³. На наш взгляд, подход профессора С. А. Шейфера выражает наиболее полное представление о том, что включает в себя предмет доказывания.

Таким образом, необходимость признания того, что каждое расследуемое уголовное дело уникально, привела к более глубокому пониманию сущности понятия предмета доказывания.

С учетом этого стоит задуматься о таком понятии, как пределы доказывания. Оно тесным образом связано с понятием «предмет доказывания». В. Р. Синяговский полагает, что «...пределы доказывания следует определять как совокупность доказательств, которые являлись бы необходимыми и достаточными для установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания»⁴. Подобную точку зрения разделяет и А. С. Пелех: «...под пределами доказывания следует понимать необходимое число источников доказательств, которое необходимо для выяснения обстоятельств, входящих в предмет доказывания и обоснования принимаемого процессуального решения»⁵. Исходя из данных определений, можно заключить, что пределы доказывания лежат в плоскости предмета доказывания, ограничены им.

Такой подход к соотнесению данных понятий является достаточно распространенным. Фактически считается, что пределы доказывания достигнуты, если всесторонне, полно и объективно исследованы обстоятельства, подлежащие доказыванию. Данная позиция представляется вполне обоснованной. В этом случае считаем пределами доказывания то, что необходимо установить для конкретного уголовного дела в рамках общего предмета доказывания⁶.

Однако можно более широко подойти к определению пределов доказывания, понимая под ними возможность установления, помимо основных, дополнительных фактов, которые позволяют обнаружить обстоятельства, подлежащие доказыванию⁷. Ранее в теории доказательств выделяли вспомогательные и доказательственные факты, которые способствовали установлению главного факта. Однако современная доктрина уже немного отошла от устоявшейся классификации фактов, которая была опасна тем, что такое деление неминуемо приводило к выводу о необходимости определения в рамках предмета доказывания тех обстоятельств, которые более важны, чем другие. Данный подход неверен, так как в совокупности обстоятельства, подлежащие доказы-

³ См.: Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам : проблемы теории и правового регулирования : монография. 2-е изд., испр. и доп. М. : Норма : ИНФРА-М, 2024. С. 124–126.

⁴ Синяговский В. Р. Проблема определения пределов доказывания в уголовном судопроизводстве // Эпомен. 2021. № 56. С. 366–372.

⁵ Пелех А. С. К вопросу о пределах доказывания в уголовном судопроизводстве // Наука через призму времени. 2020. № 4 (37). С. 85–91.

⁶ См.: Левченко О. В. Доказывание вины и виновности в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. № 3 (65). С. 49–56.

⁷ См.: Макеева И. В. Предмет и пределы доказывания по уголовному делу // Вестник Тверского гос. ун-та. Серия: Право. 2021. № 4 (68). С. 60–67.

зывианию, составляют элементы состава преступления, каждый из которых необходимо установить для корректной уголовно-правовой квалификации преступного деяния.

Более того, в пределы доказывания необходимо включить иные обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, которые используются в качестве аргумента для обоснования наличия или отсутствия обстоятельств, входящих в предмет доказывания, и выяснение которых необходимо для правильной оценки имеющихся в деле доказательств⁸. Круг данных обстоятельств не определен, но, бесспорно, они должны быть включены в пределы доказывания, так как помогают в установлении перечня обстоятельств, подлежащих доказыванию, приведенного в УПК РФ.

Еще большую актуальность данное утверждение приобретает в свете развития теории «паратусных доказательств», предложенной С. Б. Россинским. Он рекомендует понимать под ними информационные активы, возникшие до процесса либо вне процесса, порядок получения которых не вполне соответствует существующему правовому режиму⁹, что, конечно, выходит за рамки традиционного предмета доказывания, но может являться необходимым для установления обстоятельств произошедшего, вполне обоснованно расширяя пределы доказывания.

Наряду с понятием предмета доказывания научное понятие пределов доказывания служит важнейшей характеристикой познавательной деятельности субъектов доказывания, направленной на достижение определенной цели и не допускающей затрат времени на лишние процессуальные действия.

Также стоит отметить взаимосвязь объективной истины и пределов доказывания, проявляющуюся в том, что пределы доказывания являются критериями достижения цели доказывания. Фактически чем полнее будут исследованы обстоятельства произошедшего, тем с большей вероятностью субъекты доказывания смогут прийти к корректным выводам и сформировать наиболее вероятную версию произошедшего.

Таким образом, пределы доказывания выражают глубину доказанности, на степень которой оказывают значительное влияние доказательства. Перед органами расследования в ходе производства следственных действий стоит задача получить сведения, которые в последующем будут процессуально закреплены в качестве доказательств. Именно от количества и качества собранных по делу доказательств зависит полнота и всесторонность установления обстоятельств произошедшего. При этом для каждого уголовного дела эти показатели будут индивидуально определены субъектами доказывания.

От степени корректности определения пределов доказывания будет зависеть качество и эффективность проведенного расследования и судебного следствия. Неоправданное сужение пределов доказывания может привести к тому, что некоторые обстоятельства произошедшего останутся непознанными, что негативно отразится на процессе построения следственных версий. Напротив

⁸ См.: Петрова О. В., Струкова В. В., Чистилина Д. О. Уголовно-процессуальное доказывание. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2021. С. 70–71.

⁹ См.: Россинский С. Б. Паратусные доказательства в уголовном судопроизводстве // Юрид. вестник Самарского ун-та. 2023. Т. 9, № 3. С. 40–48.

же, необоснованное расширение пределов доказывания приведет к загромождению материалов дела лишней информацией, в потоке которой субъекты доказывания могут пропустить важные сведения, необходимые для формирования доказательственной базы. В связи с этим субъектам доказывания крайне важно понимать, что действительно имеет значение для достижения объективной истины, и адекватно оценивать свои возможности в процессе доказывания, помня о таком важном уголовно-процессуальном принципе, как разумный срок уголовного судопроизводства.

Таким образом, между предметом и пределами доказывания необходимо проводить четкую грань. Предмет доказывания в наиболее общем виде определен в ст. 73 УПК РФ и подходит при расследовании к большинству уголовных дел. Однако он не отражает специфику каждого уголовного дела. Пределы же доказывания представляют собой круг обстоятельств, которые необходимо установить в рамках расследования по конкретному уголовному делу. В связи с этим предлагается более широкий подход к определению данного понятия, включающий в эту категорию не только перечень обстоятельств, приведенный в УПК РФ, но и иные обстоятельства, которые способствуют установлению предмета доказывания. Они играют не менее важную роль при стремлении правоприменителя к достижению цели доказывания, которая хоть и не определена четко в уголовно-процессуальном законе, однако подразумевается на практике. Только посредством качественно осуществленного доказывания можно постановить действительно справедливый приговор.

*Юго-Западный государственный университет
Рябинина Т. К., доктор юридических наук, заведующий кафедрой
уголовного процесса и криминалистики*

*Чистилина Д. О., кандидат юридических наук, доцент кафедры
уголовного процесса и криминалистики*

*Southwest State University
Ryabinina T. K., Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Criminal
Procedure and Criminalistics Department*

*Chistilina D. O., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
of the Criminal Procedure and Criminalistics Department
E-mail: darya-chistilina@yandex.ru*

СООТНОШЕНИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В ТРУДАХ Ю. В. АСТАФЬЕВА

Обобщены взгляды Ю. В. Астафьева на вопрос о соотношении уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности в стадии возбуждения уголовного дела, освещены проблемные аспекты использования результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве средства установления основания для возбуждения уголовного дела, а также процессуального закрепления перспектив использования оперативно-розыскной информации в уголовно-процессуальном доказывании.

Ключевые слова: повод, возбуждение уголовного дела, проверка, оперативно-розыскная деятельность, доказательство.

CORRELATION OF CRIMINAL-PROCEDURAL AND OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITY AT THE STAGE OF INITIATION OF A CRIMINAL CASE IN THE WORKS OF Yu. V. ASTAFIEV

The article summarizes the views of Y. V. Astafiev on the issue of the correlation of criminal procedure and operative-search activity at the stage of initiation of criminal proceedings, highlights the problematic aspects of the use of the results of operative-search activity as a means of establishing the grounds for initiation of criminal proceedings, as well as the procedural consolidation of the prospects for the use of operative-search information in criminal procedural evidence.

Ключевые слова: reason, initiation of criminal proceedings, verification, operational-search activity, evidence

Поступила в редакцию 20 января 2025 г.

Юрий Васильевич Астафьев внес значительный вклад в разработку проблем соотношения оперативно-розыскной и доказательственной информации в расследовании преступлений. В своих многочисленных трудах он транслировал тезис о том, что работа следователя в условиях ограниченных процессуальных возможностей без создания надлежащих процессуальных условий для использования результатов оперативно-розыскной деятельности крайне затруднительна, а зачастую и просто невозможна. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) называет оперативно-розыскные мероприятия (далее – ОРМ), проводимые по письменному поручению следователя, в числе самостоятельных проверочных действий (ч. 1 ст. 144), Конституционный Суд РФ в свое время также указывал, что результаты оперативно-розыскных мероприятий «являются вспомогательным средством для

установления юридически значимых фактов и обстоятельств, имеющих значение для принятия предусмотренного ст. 145 УПК РФ процессуального решения по результатам рассмотрения сообщения о преступлении»¹.

Ю. В. Астафьев продвигал идею о том, что в ст. 140 УПК РФ необходимо закрепить результаты оперативно-розыскной деятельности (далее также – ОРД) в качестве отдельного повода к возбуждению уголовного дела, что имело бы принципиальное значение, поскольку предполагает последующую процессуальную проверку поводов, возникших в результате ОРД². Юрий Васильевич четко разграничивал понятия «повод к осуществлению оперативно-розыскных мероприятий» и «повод к возбуждению уголовного дела». Последний выступает зачастую (но не всегда) как результат первого. Работа по выявлению поводов к возбуждению уголовного дела должна рассматриваться как осуществляемая вне рамок процесса, так как имеющееся подозрение не носит характера процессуально значимого. Деятельность же агентов и сотрудников по выявлению оснований для возбуждения дела осуществляется уже в рамках решения процессуальных задач³.

Интересны наблюдения автора о проникновения в уголовный процесс элементов оперативно-розыскного права. Он справедливо отмечал, что специфика взаимодействия ОРД и уголовного процесса гораздо рельефнее прописана в законе об оперативно-розыскной деятельности и инструкции о порядке представления результатов ОРД, чем в самом уголовно-процессуальном законодательстве, при этом уголовно-процессуальный закон завуалированно, но последовательно расширяет внедрение элементов ОРД в процесс, однако делает это способом, позволяющим произвольно толковать содержание соответствующих законодательных установлений⁴. В стадии возбуждения уголовного дела он констатировал прямой ввод оперативно-розыскного элемента в уголовное производство: новации ст. 144 УПК РФ в 2013–2015 гг. наметили тенденцию активного привлечения оперативно-розыскных возможностей для проверки фактических и юридических оснований для возбуждения дела. Продление срока доследственной проверки до 30 суток ввиду необходимости принятия решения о возбуждении уголовного дела, как и для случаев назначений экспертиз и проведения документальных проверок и ревизий, обусловлено стремлением обеспечить эффективность проводимых ОРМ.

Ученый подчёркивал важную роль оперативно-розыскной информации при установлении оснований возбуждения уголовного дела. В ситуации привлечения оперативно-розыскных возможностей на стадии уголовного дела

¹ По делу о проверке конституционности статьи 21 и статьи 21.1 Закона Российской Федерации «О государственной тайне» в связи с жалобой гражданина О. А. Лаптева : постановление Конституционного Суда РФ от 6 ноября 2014 г. № 27-П // Российская газета. 2014. № 263. 19 нояб.

² См.: Астафьев Ю. В., Винокурова Т. В. Особенности соотношения уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности на стадии возбуждения уголовного дела // Российская юстиция. 2015. № 5. С. 33.

³ См.: Университетский человек : Памяти Юрия Васильевича Астафьева / под ред. А. Ю. Астафьева. Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2018. С. 142.

⁴ См.: Астафьев Ю. В. Оперативно-розыскные элементы уголовного процесса // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2017. № 2 (29). С. 236.

следователь фактически осуществляет общее руководство оперативно-розыскной деятельностью: он не только определяет ее направление и задачи, но и анализирует специфику производства, потенциал и перспективу для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Автор считал необходимым закрепление в УПК РФ требования об обязательном создании следственно-оперативных групп в случае необходимости продления срока решения вопроса о возбуждении дела до 30 суток, если это обусловлено длительностью оперативно-розыскных мероприятий. Полномочия следователя и оперативников внутри такой группы были бы строго распределены. Помимо оперативной деятельности, следственно-оперативная группа могла бы производить комплекс действий, указанных в ст. 144 УПК РФ в качестве полномочий следователя, но не имеющих правовой, уголовно-процессуальной основы. Это относится, например, к получению объяснений, производству проверок и организации иных процессуальных действий⁵.

В своих работах Ю. В. Астафьев сформулировал ряд предложений по процессуальному закреплению перспектив использования оперативно-розыскной информации в ходе уголовно-процессуального доказывания. Указание на использование сведений, полученных в результате оперативно-розыскных мероприятий, проводимых по поручению следователя, в качестве доказательств, даже со ссылками на ст. 75 и 89 УПК РФ, считал недопустимым. Результаты ОРД по своей правовой природе, способам получения и закрепления никогда не могут и не должны превращаться в доказательства. Тем более сказанное относится к результатам ОРД, полученным на самом раннем этапе уголовного процесса. Ученый обосновывал целесообразность закрепления оперативно-розыскной деятельности в качестве средства, используемого для проверки поводов к возбуждению уголовного дела, а ее результаты, полученные в связи с этим, рассматривать в качестве базы (основы) для формирования доказательств⁶.

Ю. В. Астафьев раскрывал несовершенство и противоречивый характер понятий, используемых в оперативно-розыскном законодательстве, особую тревогу это вызывает в случаях, когда в «обойму» оперативно-розыскных мероприятий входят не только фиксирующие, но и активные мероприятия, итог которых – создание повода либо установления основания для возбуждения уголовного дела. Юрий Васильевич предлагал дать четкое понятие самим оперативно-розыскным мероприятиям активного характера, раскрыть условия их проведения, создать надлежащие гарантии судебного контроля⁷, ввести четкое указание на конкретные возможности и условия использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании – в качестве

⁵ См.: Астафьев Ю. В., Сыщиков И. С. Процессуальный и нравственный аспект обеспечения прав и законных интересов участников стадии возбуждения уголовного дела // Судебная власть и уголовный процесс. 2015. №. 4. С. 106.

⁶ См.: Астафьев Ю. В., Винокурова Т. В. Особенности соотношения уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности на стадии возбуждения уголовного дела. С. 34.

⁷ См.: Астафьев Ю. В. От понятия к сущности : критический анализ категорийного аппарата норм оперативно-розыскного законодательства // Судебная власть и уголовный процесс. 2012. №. 1. С. 33–39.

средства обнаружения доказательств и средства их проверки. Ю. В. Астафьев подчеркивал важность соблюдения условий и оснований проведения оперативно-розыскной деятельности, предусмотренных оперативно-розыскным законодательством, формы представления результатов оперативно-розыскной деятельности, нарушение которых должно было стать нормативным основанием исключения доказательств, полученных на основе таких ОРМ. При этом все абстрактные формулировки, такие как «использовать в соответствии с правилами, предусмотренными уголовно-процессуальным законодательством», должны быть исключены из текста закона, поскольку таких правил для оперативно-розыскной деятельности процессуальное законодательство не предусматривает.

Рассмотренные вопросы свидетельствуют об отсутствии унифицированного законодательного подхода в сфере определения допустимых границ и методов оперативно-розыскного обеспечения уголовно-процессуальной деятельности на первоначальной стадии процесса, что имеет негативные последствия в практической деятельности, в том числе при реализации материалов ОРД в уголовном процессе и формировании на их основе процессуальных доказательств. С неизбежностью возникают трудноразрешимые вопросы и при документировании результатов изъятия предметов и документов в ходе до-процессуальной деятельности: личном досмотре, физическом задержании с поличным в процессе ОРД⁸. В случае обнаружения признаков преступления сотрудники полиции либо иного органа, осуществляющего ОРД, подчас неверно определяют свои полномочия и компетенцию, а главное – вид правоохранительной деятельности, в рамках которой должны осуществляться подобные действия принудительного характера. К сожалению, озвученный вопрос относится к разряду казуистичных, практика с учетом отдельных ведомственных приказов, позиций высших судебных инстанций по рассмотренным уголовным делам ориентирует правоприменителя в ходе осуществления ОРД на ответственный выбор правового режима проводимого изъятия предметов и материалов с тем, чтобы на последующих этапах они могли быть введены в уголовный процесс в качестве процессуальных доказательств.

Эти обстоятельства, а также усеченность, фрагментарность законодательной регламентации проведения ОРМ с неизбежностью обрекают правоприменителей на вынужденный поиск формально возможных вариантов решения стоящих перед ними задач, по сути, это означает «подбор» имеющихся правовых инструментов и юридических средств в целях всесторонней проверки информации о преступлении, своевременного пресечении преступной деятельности, закрепления следов преступления, с тем чтобы собранные материалы могли отвечать впоследствии требованиям, предъявляемым к доказательствам⁹.

⁸ См.: Рябинина Т. К., Ряполова Я. П. Сохранение стадии возбуждения уголовного процесса : новые аргументы в старой дискуссии // Уголовный процесс : от прошлого к будущему : материалы Междунар. науч.-практ. конференции. М. : Академия Следственного комитета Российской Федерации, 2014. С. 273–278.

⁹ См.: Ряполова Я. П. Использование потенциала оперативно-розыскной деятельности в решении задач стадии возбуждения уголовного дела : проблемные вопросы теории и

В заключение хотелось бы отметить, что Ю. В. Астафьев предостерегал нас о том, что его подход отнюдь не означает стремления объединить две самостоятельные сферы применения права. Вместе с тем решение сходных задач, использование совместно средств и способов, присущих каждому виду деятельности, с неизбежностью актуализирует проблемы системности правового регулирования, строгого разграничения областей реализации правовых норм, установления соответствующих взаимосвязей и ограничений. Правовая реальность должна найти адекватное воплощение в развернутом правовом регулировании¹⁰.

*Юго-Западный государственный университет
Ряполова Я. П., кандидат юридических наук, доцент кафедры
уголовного процесса и криминалистики*

*Southwest State University
Ryapolova Ya. P., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
of the Criminal Procedure and Criminalistics Department
E-mail: yarosslava@mail.ru*

практики // *Известия Юго-Западного гос. ун-та. Серия: История и право.* 2023. Т. 11, № 1. С. 48.

¹⁰ См.: Астафьев Ю. В. Оперативно-розыскные элементы уголовного процесса. С. 232–242.

О. В. Саратова, Д. Е. Красноперова
ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ РАССМОТРЕНИЯ
УГОЛОВНОГО ДЕЛА В РОССИИ И АНГЛИИ

Проводится анализ процесса рассмотрения уголовного дела в суде первой инстанции в Англии и России, выделяются основные различия судебного разбирательства уголовного дела.

Ключевые слова: суд, судебная система, суд первой инстанции, присяжные заседатели, уголовное судопроизводство, уголовное дело.

**THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS OF THE CONSIDERATION
OF A CRIMINAL CASE IN RUSSIA AND ENGLAND**

The article analyzes the process of consideration of a criminal case in the court of first instance in England and Russia, highlights the main differences in the trial of a criminal case.

Ключевые слова: court, judicial system, court of first instance, jurors, criminal proceedings, criminal case.

Поступила в редакцию 21 января 2025 г.

Судебная система является значимым элементом построения правового государства. Важную роль играют суды первой инстанции, поскольку все уголовные дела после проведения предварительного расследования передаются прокурором совместно с обвинительным актом в суд для вынесения справедливого и законного решения.

По мнению И. В. Назарова, «негативная особенность Англии в сфере отправления правосудия заключается в отсутствии нормативно-правовой регламентации ряда значимых вопросов, так как в силу исторического развития государства регулирование многих аспектов осуществляется на основе сложившихся традиций»¹. Судебная система Российской Федерации регламентируется несколькими нормативно-правовыми актами, содержащими в себе исчерпывающие положения как о деятельности судов, так и о деятельности судей и иных сотрудников судебного аппарата. Следует отметить и то, что в Российской Федерации нет «отраслевого» деления судебных органов, так как в большинстве своем дела рассматриваются судами общей юрисдикции.

Отличительная черта английской судебной системы – когда-то созданное судебное решение становится обязательным правилом для последующего разрешения аналогичных дел. В нашей стране на сегодняшний день судебный прецедент не является источником права, хотя в науке и ведутся дискуссии относительного статуса актов Верховного Суда Российской Федерации.

¹ Назаров И. В. Судебная система Великобритании и ее реформирование в связи с членством в Европейском союзе // Проблемы законности. 2011. № 115. С. 199.

Д. Х. Саликов также указывает: «В Англии уголовные дела поступают в суд после принятия решения, обычно Королевской прокуратурой, о привлечении кого-либо к ответственности за предполагаемое преступление. Подавляющее большинство дел рассматриваются в мировом суде либо коллегией из трех мировых судей, либо окружным судьей (Магистратский суд). Если подсудимый будет признан виновным, мировой судья или окружной судья вынесет приговор или направит дело в Королевский суд для вынесения приговора. Большинство дел в Королевском суде рассматриваются окружными судьями, хотя менее сложные или серьезные дела могут рассматриваться регистраторами². В России же основной массив уголовных дел рассматривается в районных судах.

Некоторые дела из магистратских судов передаются в Королевский суд для рассмотрения окружным судьей – например, если обвиняемый предпочел рассмотрение дела судом присяжных или магистраты решили, что у них недостаточно полномочий для вынесения приговора виновному (магистраты могут назначить максимальное наказание в виде шести месяцев лишения свободы). В таких случаях судья отвечает за обеспечение справедливого судебного разбирательства и разъясняет присяжным соответствующий закон³. Присяжные несут ответственность за принятие решения о виновности подсудимого. Судьи Высокого суда могут рассматривать наиболее серьезные дела в Королевском суде (например, об убийстве)⁴. В этом заключается еще одно отличие – в России уголовное дело рассматривается с участием присяжных заседателей в районных, областных (и приравненных к ним) судах.

Перед началом уголовного процесса судья изучает материалы дела. К ним относятся: обвинительный акт, где излагаются обвинения, по которым подсудимый должен предстать перед судом, свидетельские показания, вещественные доказательства и документация по заявлениям, которые могут быть поданы любой стороной относительно допустимости доказательств в ходе судебного разбирательства.

При рассмотрении дел с участием присяжных в Королевском суде судья наблюдает за отбором и приведением к присяге присяжных, разъясняя им их роль в установлении фактов в ходе судебного разбирательства и предупреждая их не обсуждать дело с кем-либо еще и не проводить собственное расследование. Данные положения имеют сходства с процедурой рассмотрения дел в России. Право на участие присяжных заседателей регулируется Законом о присяжных 1974 г.⁵ Исходя из его положений, мы можем сказать, что Британское законодательство предусматривает более строгую ответственность за неявку в суд. Если гражданина уже вызвали в качестве присяжного заседателя,

² Саликов Д. Х. Особенности системы судопроизводства и права в Соединенном Королевстве // Вестник Челяб. гос. ун-та. Серия: Право. 2017. № 1. С. 19.

³ См.: Нестерова П. А. Эволюция суда присяжных в Англии : перспективы развития модели судебных заседаний // Эволюция Российского Права. 2023. № 1. С. 274.

⁴ См.: Саликов Д. Х. Указ. соч. С. 20.

⁵ См.: Juries Act 1974. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1974/23/contents> (дата обращения: 22.10.2024).

то он обязан явиться в суд. В России же гражданин в случае неявки не несет никакой ответственности.

После начала судебного разбирательства судья следит за ходом рассмотрения дела и за тем, чтобы всем участвующим сторонам была предоставлена возможность реализации их прав. В процессе рассмотрения дела судья фиксирует доказательства и принимает решение по юридическим вопросам, например, о том, являются ли доказательства приемлемыми. Н. В. Осодоева также указывает: «В России, как и в Великобритании, судебное следствие начинается со вступительных заявлений государственного обвинителя, в котором он излагает существо предъявленного обвинения и предлагает порядок исследования представленных им доказательств, а защитник в свою очередь выскazывает согласованную с подсудимым позицию по предъявленному обвинению»⁶.

В России судебную экспертизу проводят государственные и негосударственные судебные эксперты. В. В. Покровская отмечает: «В Англии же выделяют категории лиц, обладающие различными полномочиями. Например, коронер. Если чья-либо смерть наступила неожиданно в результате производственного заболевания, медицинской халатности или несчастного случая, расследованием обстоятельств смерти занимается коронер. Коронер, по сути, является судьей, который назначается короной. Их ключевая роль заключается в том, чтобы заслушивать показания свидетелей и экспертов, определять причины или обстоятельства чьей-либо смерти»⁷.

Поскольку судебные разбирательства в Великобритании записываются механическими или цифровыми средствами, как правило, лица, не имеющие отношения к делу, не имеют права прослушивать или получать копию записи судебного разбирательства. Это делается для того, чтобы свести к минимуму риск неправомерного использования записей. В российском законодательстве данные вопросы урегулированы иначе. Трансляция судебного заседания не запрещена, если оно открытое и если суд дал на это согласие. СМИ могут вести трансляцию по радио, телевидению и в интернете.

В Англии долгое время фотографирование или ведение записей в суде считалось уголовным преступлением, даже художникам-скетчерам приходилось делать наброски по памяти, а не в суде. В январе 2020 г. появились законы, которые позволили осуществлять трансляцию в королевских судах страны, а именно транслировать оглашение приговоров по резонансным уголовным делам⁸. До этого выразить происходящее в зале суда можно было только с помощью рисования.

После того, как все доказательства по делу заслушаны, судья подводит итог. Если дело рассматривалось с участием присяжных заседателей, то судья разъясняет присяжным законность каждого из выдвинутых обвинений и то,

⁶ Осодоева Н. В. Судебное следствие в суде первой инстанции в Российской Федерации, Англии и в Турецкой Республике : общие черты и различия // Научный дайджест Восточно-сибирского института МВД России. 2019. № 2. С. 161.

⁷ Покровская В. В. Правовой статус судебно-медицинских экспертов Англии // Аграрное и земельное право. 2024. № 3. С. 184.

⁸ См.: The Crown Court (Recording and Broadcasting) Order 2020. URL: <https://www.legislation.gov.uk/uksi/2020/637/contents/made> (дата обращения: 22.10.2024).

что должно доказать обвинение. На этом этапе судья обращается к заметкам, сделанным в ходе судебного разбирательства, и напоминает присяжным о ключевых моментах дела. Затем судья дает указания об обязанностях присяжных, после чего они удаляются в совещательную комнату для вынесения вердикта.

Если присяжные признают подсудимого виновным, судья выносит соответствующий приговор. На вынесение приговора будет влиять ряд факторов: в первую очередь – серьезность преступления, последствия преступления и рекомендации Совета по вынесению приговоров. Судья примет во внимание обстоятельства, которые могут смягчить наказание, а также любые отчеты и рекомендации в отношении обвиняемого. Только после того, как судья рассмотрит все эти факторы, будет вынесен соответствующий приговор или мера наказания⁹.

Таким образом, можно говорить о том, что уголовный судебный процесс в Великобритании и России имеет много общего, например, одни и те же группы участников судебного процесса с одинаковыми ролями и обязанностями в судебном разбирательстве, схожие стадии судебного разбирательства. Тем не менее имеют место отдельные отличия в составе участников уголовного процесса. Также разнятся положения, касающиеся процедуры рассмотрения дела присяжными заседателями. В целях привлечения граждан к отправлению правосудия можно ввести в Российской Федерации схожую норму об ответственности за неявку в суд в качестве присяжного заседателя. Данное положение способствует росту гражданского правосознания. Проанализировав различия в сфере открытости уголовного судопроизводства, можно сказать, что правосудие в нашей стране более открытое, это, безусловно, является преимуществом, поскольку повышает юридический опыт населения.

Центральный филиал Российской государственного
университета правосудия
Саратова О. В., кандидат юридических наук, доцент кафедры
уголовно-процессуального права

Красноперова Д. Е., магистрант

*The Central branch of the Russian state university of justice
Saratova O. V., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
*of the Criminal Process Department**

Krasnoperova D. E., Master's student
E-mail: krasnoperova_dar@mail.ru

⁹ Холова О. А. Международный и зарубежный опыт назначения уголовного наказания с учетом гендерных признаков // Образование и наука в России и за рубежом. 2022. № 3 (91). С. 27.

ВЛИЯНИЕ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НА КРИМИНАЛИСТИЧЕСКУЮ ПРОФИЛАКТИКУ

Любое правовое явление напрямую зависит от своего нормативно-правового регулирования. Не является исключением и криминалистическая профилактика. В разные периоды времени, в зависимости от нормативно-правового закрепления данной деятельности, менялись ее содержание и активность. На сегодняшний день сомнений в острой актуальности криминалистической профилактики нет. Проанализируем ее нормативно-правовую регламентацию.

Ключевые слова: криминалистическая профилактика, правовое регулирование, криминалистика, способ совершения преступления, формы криминалистической профилактики, субъекты криминалистической профилактики.

THE IMPACT OF LEGAL REGULATION ON CRIMINALISTICS PREVENTION

Any legal phenomenon directly depends on its regulatory framework. Criminalistics prevention is no exception. In different periods of time, depending on the regulatory framework of this activity, its content and action have changed. Now day, there is no doubt about the acute relevance of criminalistics prevention. Let's analyze how things are in its regulatory framework.

Key words: criminalistics prevention, legal regulation, criminalistics, method of committing a crime, forms of criminalistics prevention, subjects of criminalistics prevention.

Поступила в редакцию 23 января 2025 г.

Любые общественные отношения регулируются нормами права, напрямую влияющими на их содержательную сторону и практическую реализацию. Криминалистическая профилактика не является исключением. Проследив изменение нормативно-правового регулирования профилактики в сфере борьбы с преступностью, мы убедились в такой закономерности. Понятие, содержание, формы и методы криминалистической профилактики соответственно менялись с учетом изменения нормативно-правовой регламентации.

Нормативно-правовую основу системы криминалистической профилактики на современном этапе составляют¹:

- положения Конституции Российской Федерации;
- нормы уголовного и уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации;
- нормы законодательства Российской Федерации об административных правонарушениях;
- нормы иных федеральных законов Российской Федерации;
- положения указов Президента России;

¹ См.: Криминалистика : учебник для бакалавров и специалистов / отв. ред. Е. П. Ищенко. М. : Проспект, 2020. 560 с.

- положения постановлений Правительства России;
- нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти;
- законы и другие нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации;
- муниципальные правовые акты;
- ведомственные нормативные правовые акты;
- общепризнанные принципы и нормы международного права.

Нормы, регламентирующие предотвращение преступлений, содержались и в законодательстве Российской империи. В частности, имелись нормы, «требующие выявления людей, невмешательство которых создавало благоприятные условия для совершения краж, разбойных нападений и убийств»².

Задача профилактики преступлений была поставлена перед правоохранительными органами в 1775 г. в издании «Учреждение для управления губерний», обеспечившем расширение аппарата государственной полиции и определившем обязанность по предупреждению и пресечению преступлений. В частности, нормы 254, 255, 257, 264 главы XIX предписывали городничему иметь бдение, дабы в городе сохранены были благочиние, доброправие и порядок, чтобы предписанное законами полезное в городе исполняемо и сохраняемо было.

Следовательно, с принятием нормативно-правового акта уполномоченные органы приобрели правомочия применения не только мер по расследованию преступлений, но по предотвращению совершения преступлений.

«Свод уставов о предупреждении и пресечении преступлений», вошедший в «Собрание законодательства Российской империи», принятое в 1832 г.³, содержал определенные рекомендации и запреты по каждому из уголовно наказуемых в тот период времени деяний. Нам сложно согласиться, что данные рекомендации носили «методико-криминалистический характер и нацелены были на выявление и исследование условий совершения преступления»⁴. Прямое толкование изложенных норм свидетельствует именно о содержании правил поведения и запретов нарушений.

«Собрание законодательства Российской империи» 1832 г. содержало отдельное «Положение о воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних», где отмечалось, что «они создаются для нравственного исправления помещаемых в них несовершеннолетних и подготовки их к честной и трудовой жизни»⁵. Данное положение содержит отдельную главу о мерах воспитательно-исправительного воздействия в отношении несовершеннолетних.

² Вандышев В. В. Криминалистическое обеспечение деятельности по выявлению причин и условий, способствующих совершению преступлений (исторический аспект) // Юридическая мысль. 2012. № 3 (71). С. 71.

³ См.: Емельянов В. М. История профилактики правонарушений в дореволюционный период // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2015. Т. 13. С. 2377.

⁴ См.: Вандышев В. В. Криминалистическое обеспечение деятельности по выявлению причин и условий, способствующих совершению преступлений (исторический аспект) // Юридическая мысль. 2012. № 3 (71). С. 72.

⁵ Емельянов В. М. Указ. соч.

них, в которой оговариваются объем обучения несовершеннолетних, содержащихся в воспитательно-исправительных заведениях, и меры поощрения за хорошее поведение.

В Уголовно-процессуальный закон 1960 г. внесена ст. 21, согласно которой «при производстве дознания, предварительного следствия и судебного разбирательства уголовного дела органы дознания, следователь, прокурор и суд обязаны выявлять причины и условия, способствовавшие совершению преступления, и принимать меры к их устранению».

В определенной степени аналогичное положение воспроизведено законодателем в ч. 2 ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса РФ 2001 г., регламентирующей установление обстоятельств, способствовавших совершению преступления.

Помимо уголовно-процессуального законодательства, криминалистическую профилактику регулирует ряд самостоятельных федеральных законов Российской Федерации. Так, Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» является основным нормативно-правовым актом, составляющим базу профилактической системы по направлению защиты детства и юношества от вовлечения в преступную деятельность и антиобщественные явления. Положения ст. 1 названного закона содержат понятие индивидуальной профилактической работы, определяя ее как деятельность по своевременному выявлению несовершеннолетних и семей, находящихся в социально опасном положении, а также по их социально-педагогической реабилитации и (или) предупреждению совершения ими правонарушений и антиобщественных действий. Кроме того, его нормами закреплено понятие профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних как системы социальных, правовых, педагогических и иных мер, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих безнадзорности, беспризорности, правонарушениям и антиобщественным действиям несовершеннолетних, осуществляемых в совокупности с индивидуальной профилактической работой с несовершеннолетними и семьями, находящимися в социально опасном положении.

Важную роль в осуществлении криминалистической профилактики играют положения Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», в соответствии с п. 2 ст. 2 которого профилактика правонарушений представляет собой совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также на оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения. На основании п. 3 ст. 2 данного закона система профилактики правонарушений включает в себя совокупность субъектов профилактики правонарушений, лиц, участвующих в профилактике правонарушений, и принимаемых ими мер профилактики правонарушений, а также основ координации деятельности и мониторинга в сфере профилактики правонарушений.

Помимо указанных федеральных законов, следует учитывать Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», согласно ст. 3 которого основными направлениями противодействия экстремистской деятельности выступают: принятие профилактических мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности, в том числе на выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих осуществлению экстремистской деятельности; выявление, предупреждение и пресечение экстремистской деятельности общественных и религиозных объединений, иных организаций, физических лиц.

Положения п. 4 ст. 3 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» регламентируют противодействие терроризму как деятельность органов государственной власти, органов публичной власти федеральных территорий и органов местного самоуправления, а также физических и юридических лиц:

- а) по предупреждению терроризма, в том числе по выявлению и последующему устранению причин и условий, способствующих совершению террористических актов (профилактика терроризма);
- б) выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию террористического акта (борьба с терроризмом);
- в) минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма.

Указанные положения также всецело отражаются на содержании криминалистической профилактики преступлений террористического характера.

Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» в п. 2 ст. 1 определяет противодействие коррупции как деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в пределах их полномочий:

- а) по предупреждению коррупции, в том числе по выявлению и последующему устранению причин коррупции (профилактика коррупции);
- б) выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию коррупционных правонарушений (борьба с коррупцией).

Кроме этого, данный закон закрепляет меры и направления профилактики преступлений коррупционного характера.

В числе нормативно-правовых норм, регулирующих криминалистическую профилактику, нельзя не отметить просветительское направление – указать Письмо Министерства образования и науки РФ от 19 июня 2013 г. № 07-882 «О мерах по профилактике преступлений против детей», содержащее рекомендации по взаимодействию образовательных организаций и родителей по вопросам угрозы совершения преступлений в отношении детей.

Следует отметить, что Указом Президента Российской Федерации от 17 мая 2023 г. № 358 «О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года» в качестве основных направлений реализации государственной политики в сфере обеспечения безопасности детей в том числе выделены: профилактика преступлений, совершаемых несовершенно-

летними и в отношении их, а также формирование безопасной информационной среды для детей.

В соответствии с п. 31 указанной стратегии основными задачами криминалистической профилактики в среде несовершеннолетних являются:

- развитие системы профилактики антиобщественного и противоправного поведения несовершеннолетних;
- профилактика агрессивного поведения детей и их травли;
- формирование у детей осознанного негативного отношения к незаконному потреблению наркотических средств и психотропных веществ, участию в их незаконном обороте;
- формирование у детей стойкого неприятия идеологии терроризма и экстремизма в различных их проявлениях, противодействие обострению межнациональных и межконфессиональных конфликтов среди детей;
- выявление и пресечение случаев незаконного приобретения детьми оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ;
- противодействие вовлечению детей в деструктивные сообщества и преступные группировки;
- противодействие жестокому обращению с детьми, профилактика и пресечение преступлений в отношении детей, в том числе направленных против их половой неприкосновенности, обеспечение реабилитации пострадавших детей.

Анализ приведенных выше нормативных правовых актов позволяет сформировать представление о наличии системы противодействия преступности и ее структуре, которая состоит из трех направлений:

- 1) предупреждение преступности, в том числе выявление и последующее устранение причин преступности;
- 2) выявление, предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений;
- 3) минимизация и (или) ликвидация последствий преступлений⁶;
- 4) разработка и внедрение мер противодействия способу совершения преступлений.

Основные направления совершенствования законодательства о предупреждении преступлений должны быть сведены к следующим: «использование всего полезного, что имеется в нынешней системе правового обеспечения предупреждения преступлений; всестороннее закрепление того, что оправдало себя на практике; максимальное отражение и учет сущности и особенностей предупредительной деятельности, ее целей, содержания, основных направлений и условий осуществления; использование лучшего опыта правового обеспечения предупредительной деятельности в зарубежных странах; приданье правовым положениям о предупреждении преступлений подлинно комплексного характера с тем, чтобы законодательство в полной мере содействовало расширению масштабов и повышению уровня результативности предупредительной деятельности; усиление правовых гарантий участников

⁶ См.: Михайлов А. Е. Криминалистическое противодействие преступности: постановка проблемы // Вестник Владимирского юрид. института. 2018. № 2 (47). С. 105.

правоотношений в сфере предупреждения преступлений (правонарушений), придание важнейшим из них силы закона; систематизация нормативного материала, касающегося предупреждения преступности»⁷.

*Центральный филиал Российской государственного
университета правосудия
Цурлуй О. Ю., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры
судебной экспертизы и криминалистики*

*Central Branch of the Russian State University of Justice
Tsurluj O. Yu., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Forensic Expertise and Criminalistics Department
E-mail: kijalis@yandex.ru*

⁷ Махтаев М. Ш. Проблемы криминалистического обеспечения предупреждения преступлений : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. С. 398.

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ПОЗНАНИЯ И РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ «ДВОЙНОЙ ЗАЩИТЫ» В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Право на защиту в уголовном судопроизводстве представляет собой фундаментальное право, гарантированное Конституцией РФ и нормами международного права и закрепленное в уголовно-процессуальном законодательстве в качестве самостоятельного принципа. Несмотря на законодательное императивное требование о реализации данного права исключительно приглашенным или назначенным адвокатом, существует проблема «двойной защиты», которая до сих пор является предметом научного осмысления.

Ключевые слова: адвокат, «двойная защита», обвиняемый, подозреваемый.

ON THE QUESTION OF THE NEED TO UNDERSTAND AND RESOLVING THE PROBLEM OF "DOUBLE PROTECTION" IN CRIMINAL PROCEEDINGS

The right to defense in criminal proceedings is a fundamental right guaranteed by the Constitution of the Russian Federation and the norms of international law, and enshrined in criminal procedure legislation as an independent principle. Despite the legislative imperative requirement for the implementation of this right exclusively by an invited or appointed lawyer, there is a problem of "double protection", which is still the subject of scientific understanding.

Key words: lawyer, "double protection", accused, suspect.

Поступила в редакцию 14 января 2025 г.

Объективная реальность настоящего времени позволяет с полной уверенностью утверждать, что осуществление реформ уголовно-процессуального законодательства в Российской Федерации не прекращается. Изменение положений Конституции РФ, принятой 12 декабря 1993 г., указывает на стремление сформировать нечто принципиально новое в сфере судебного процесса, которое будет опираться на принципы паритетного состязания и равенства сторон, обеспечивающие справедливость в судебном решении, в то время как принятие нового УПК РФ в 2001 г. считается продолжением данного стремления.

Претерпели трансформацию многие уже ставшие традиционными полномочия защитника, что закономерно, ведь именно на защитнике лежит обязанность по охране законных прав и свобод лица, подвергшегося уголовному преследованию. На данный момент вопрос о допуске адвоката в уголовный процесс актуализировался, и его присутствие стало обязательным уже на ранних стадиях. Принцип состязательности, который является основой не только для судебных стадий, но и для предварительного расследования по уголовным делам, получил новую интерпретацию. В рамках этих изменений появились

обязательные основания для участия адвоката в уголовном судопроизводстве и дополнительные полномочия у защитника. Однако самое существенное в этом процессе заключается в том, что защитник обрел реальные возможности для доказывания невиновности своего подзащитного и стал активной фигурой, способной эффективно проводить альтернативную линию защиты, опровергая версии и аргументы обвинения. В таких условиях его роль в уголовном судопроизводстве приобрела еще большее значение.

Для любого научного исследования изучение той или иной проблемы будет являться беспредметным без четкого определения понятийного аппарата. В частности, в юридической науке плюрализм мнений, дискуссионность по разным вопросам являются распространенными и обыденными явлениями. В подобных ситуациях имеют место одновременно многочисленные мнения в рамках того или иного вопроса и легальная позиция. Следовательно, прежде чем приступить к анализу обозначенной проблемы «двойной защиты», крайне важно (в том числе во избежание разнотечений) рассмотреть и охарактеризовать основные подходы к содержанию понятий «защитник», «защита».

В. В. Валюлин рассматривает содержание исследуемого понятия «защита» с точки зрения общеправового значения: «Защита – это отстаивание прав, свобод лица в любой области правоприменения»¹. Следовательно, адвокат представляет собой защитника прав и интересов подозреваемого, обвиняемого и др. Следует отметить, что термину «защита» в уголовном судопроизводстве придается более узкое значение, связанное с преследуемым лицом в рамках уголовных дел. В. А. Владимиров отмечает, что в уголовном процессе деятельность адвоката в роли защитника представляет собой оказание юридической помощи своему клиенту: обвиняемому, подозреваемому, подсудимому. При этом, несмотря на существующее обоснованное определение защитника в научном сообществе, распространены иные трактовки данного термина². М. Ш. Буфетова определяет защиту как вид деятельности в рамках уголовного процесса, которая основывается на охране законных прав и интересов подозреваемого или обвиняемого. К ключевым компонентам защиты исследователь относит права и обязанности защитника (адвоката), права подозреваемого и обвиняемого (прежде всего право иметь защитника)³.

Легальное определение защитника содержится в ст. 49 УПК РФ. Обращаясь к ст. 50 УПК РФ, важно отметить, что выделяют два основных способа привлечения адвоката в роли защитника: приглашение от подозреваемого или обвиняемого (его законным представителем) или иными лицами как представителей подозреваемого и обвиняемого и назначение (по просьбе подозреваемого или обвиняемого) судом, дознавателем или следователем.

Т. П. Макашова отмечает, что главной функцией адвоката-защитника является соответственно защита прав и интересов подозреваемого и обвиняе-

¹ Валюлин Р. Р. Проблемы участия адвоката-защитника в процессе доказывания по уголовному делу // Юридическая наука. 2021. № 7. С. 66.

² См.: Владимиров В. А. Значение адвоката в уголовном процессе // Отечественная юриспруденция. 2018. № 2. С. 69.

³ См.: Буфетова М. Ш. Проблемы реализации права на защиту в современном уголовном судопроизводстве // Глаголъправосудия. 2016. № 2. С. 57.

мого. Защита сводится к реализации защитительной деятельности в отношении подозреваемого, обвиняемого и поиску справедливого способа развития данного юридического конфликта. Автором выделяются следующие функции защиты: 1) оказание профессиональной юридической помощи подозреваемому или обвиняемому; 2) выявление ключевых фактов, обстоятельств, которые могут оправдать подозреваемого или обвиняемого и, как следствие, смягчить их ответственность; 3) смягчение или опровержение возникших фактов подозрения, предъявленных стороной обвинения⁴.

В. М. Харзинова делает справедливое замечание о том, что эффективность осуществления функции защиты в уголовном судопроизводстве зависит от характера взаимоотношений адвоката и подозреваемого, обвиняемого. Исследователь отмечает, что процессуальный статус адвоката должен быть четко определен с момента вступления защитника в уголовное судопроизводство. При этом адвокат в роли защитника отличается своей самостоятельностью в рамках уголовного процесса и пределах осуществления функции защиты⁵.

Согласно ст. 50 УПК РФ обвиняемый или подозреваемый имеет право на получение юридической помощи нескольких защитников. Одновременно с этим можно заметить, что в рассматриваемой статье законодателем не уточняется возможное количество защитников у одного лица. Подозреваемые или обвиняемые принимают решение об участии нескольких защитников с целью повышения качества оказания юридических услуг: сбор наибольшего объема доказательств, выстраивание прочной линии защиты, в итоге – подтверждение невинности лица в уголовном деле. Интерес представляет тот факт, что на практике привлечение нескольких участников для защиты зачастую используется с целью задержки предварительного расследования⁶, для ожидания момента предельных сроков содержания под стражей, чтобы изменить или отменить меры пресечения и т. п. И здесь можно вести речь о злоупотреблении процессуальными правами стороной защиты, в целях противодействия которому органы предварительного расследования и суды при наличии защитника, действующего на основании соглашения, вынуждены прибегнуть к назначению адвоката в качестве защитника. Именно в таком случае возникает проблема «двойной защиты» и соотношение ее с обеспечением конституционного принципа права на получение квалифицированной юридической помощи.

Существование такой проблемы привело к появлению решения Совета Федеральной палаты адвокатов (далее – ФПА) «О двойной защите», содержащего правила для адвокатов, которые оказались дублерами в процессе⁷. ФПА

⁴ См.: Макашова Т. П. Виды уголовно-процессуальных функций адвоката // Вестник экономики, управления и права. 2020. № 1. С. 16–17.

⁵ См.: Харзинова В. М. Защитник в уголовном процессе, его взаимоотношение с подозреваемым, обвиняемым // Проблемы экономики и юридической практики. 2014. № 2. С. 259.

⁶ См.: Кичук А. А. Сколько защитников может быть у обвиняемого (подозреваемого) в уголовном процессе? // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 2. С. 88.

⁷ О двойной защите : решение Совета ФПА РФ от 27 сентября 2013 г. // Документы Совета ФПА РФ. URL: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-thecouncil/the-decision-to-double-the-protection/> (дата обращения: 06.10.2024).

надеялась найти некий компромисс, позволяющий обеспечить нормальный ход уголовного процесса и вместе с тем обеспечить права обвиняемого на получение квалифицированной юридической помощи.

Однако, как показывает судебная практика, данных разъяснений оказалось недостаточно для решения исследуемой проблемы, поскольку выбор конкретного адвоката был обусловлен субъективным усмотрением правоприменителя, что приводило к назначению так называемого «удобного» для органов предварительного следствия и суда защитника. Это в корне противоречило обязанности государства обеспечить реализацию конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи.

Следующим шагом в данном направлении стала активная цифровизация системы назначения адвоката в качестве защитника. Главная цель данных трансформаций заключается в создании автоматизированной информационной системы (КИС АР). Одновременно с очевидными преимуществами цифровых трансформаций при назначении адвоката в качестве защитника подозреваемого, обвиняемого в части решения вопроса о субъективном выборе конкретного адвоката проблема правомерности «двойной защиты» так и не исчезла. Злоупотребления со стороны адвокатов по соглашению продолжают иметь место, а адвокаты, назначенные в качестве защитников, в случае отказа от них со стороны доверителя, но при непринятии данного отказа судом рисуют быть привлеченными к дисциплинарной ответственности за неисполнение решения суда или нарушения Кодекса профессиональной этики адвоката и Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве.

С. А. Гордейчик указывает на злоупотребления со стороны защиты по конкретному уголовному делу, рассмотрение которого «...было отложено по инициативе стороны защиты 79 раз. За все время рассмотрения дела А. по собственной инициативе заменил 9 защитников, при этом каждый защитник, вступая в процесс, заявлял ходатайство об отложении рассмотрения дела в связи с необходимостью ознакомления с материалами уголовного дела... Помимо 9 защитников по соглашению в процесс были привлечены 4 защитника по назначению суда. Двое из них на разных этапах отказались от участия в процессе, ссылаясь на запрет «двойной защиты»...»⁸.

Нарушение права на защиту рассматривается как существенное нарушение уголовно-процессуального закона и влечет безусловную отмену судебного решения (ст. 389.17 УПК РФ). Для урегулирования данного вопроса потребовалось формирование правовых позиций Конституционным Судом РФ, в которых он признал, что не исключается «возможности оставить без удовлетворения заявление лица об отказе от защитника по назначению при злоупотреблении правом на защиту со стороны этого лица, а также приглашенного защитника. Критерии наличия такого злоупотребления выработаны судебной практикой...»⁹.

⁸ Гордейчик С. А. Срыв судебного заседания как способ злоупотребления процессуальными правами стороной защиты // Адвокатская практика. 2018. № 4. С. 40–41.

⁹ По делу о проверке конституционности статей 50 и 52 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Ю. Ю. Кавалерова : постад-

Можно констатировать, что в настоящее время предпринята попытка решения проблемы «двойной защиты» комплексными мерами: формированием правовых позиций Конституционного Суда РФ с указанием на алгоритм действий суда при назначении адвоката в качестве защитника наряду с участием адвоката по соглашению и введением КИС АР, позволяющей осуществлять независимое назначение адвоката в качестве защитника. При наличии указанных условий назначенный защитник обязан наравне с адвокатом по соглашению честно, разумно и добросовестно исполнять свои профессиональные обязанности для обеспечения конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи.

*Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена
Шадрина Е. Г., кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса*

*Herzen University
Shadrina E. G., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Criminal Procedure Department
E-mail: kshadrina@yandex.ru*

ИЗ СВИДЕТЕЛЯ В ОБВИНЕМОГО: ПРОБЛЕМА ПРЕДЕЛОВ ПРЕЮДИЦИАЛЬНОСТИ ПРИГОВОРА

Затрагивается проблема использования преюдициального значения приговора для предрешения виновности лиц, участвовавших в данном деле в качестве свидетелей. Анализируется противоречивая судебная практика по данному вопросу. Подчёркивается необходимость унификации подхода к решению обозначенной проблемы и предлагается внесение дополнения в ст. 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: преюдиция, преюдициальность приговора, свидетель, *затемнение* ложные показания.

FROM WITNESS TO DEFENDANT: THE PROBLEM OF THE LIMITS OF THE VERDICT'S PREJUDICE

This article deals with the problem of using the prejudice of the verdict to prejudge the guilt of persons who participated in this case as witnesses. The analysis of contradictory judicial practice on this issue is given. The author emphasizes the need to unify the approach to solving this problem and proposes an addition to Article 90 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

Key words: prejudice, prejudice of the verdict, witness, perjury.

Поступила в редакцию 17 января 2025 г.

Сущность института преюдиции в уголовном процессе заключается в освобождении от доказывания установленных вступившими в законную силу приговором или иным судебным решением обстоятельств, которые признаются субъектом расследования, судом в ходе производства по уголовному делу без дополнительной проверки¹. Данный институт позволяет избегать противоречия между судебными актами, способствует экономии сил и времени участников процесса, однако в то же время порождает трудности в правоприменении и является благодатной почвой для злоупотреблений.

Статья 90 УПК РФ обозначает пределы преюдициальности: «...приговор или решение не могут предрешать виновность лиц, *не участвовавших* (курсив наш. – Д. Ш.) ранее в рассматриваемом уголовном деле». Формулировка данной нормы на практике позволяет органам предварительного расследования использовать преюдициальность вступившего в законную силу приговора для предрешения виновности свидетеля, который являлся участником процесса по данному уголовному делу. Однако права свидетеля в уголовном судопроизводстве немногочисленны, и это вполне объяснимо – против него (по край-

¹ См.: Головко Л. В. Курс уголовного процесса : учебник. М. : Статут, 2017. С. 479 ; Зуев С. В., Сутягин К. И. Уголовный процесс : учебник. Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2016. С. 104 ; Гореликова А. Г. Преюдиция в уголовном процессе Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 57.

ней мере, формально) не осуществляется уголовное преследование, у него нет совокупности прав, вытекающих из права на защиту, предоставляемых УПК РФ обвиняемому. Свидетель (помимо дачи показаний, разумеется) не может влиять на процесс доказывания, оспаривать доводы обвинения, знакомиться с материалами дела, ему не вручается копия приговора. Кроме того, свидетель не может отказаться от дачи показаний либо давать ложные показания под страхом уголовной ответственности, и это даёт органам предварительного расследования возможность получить развёрнутые показания от будущего обвиняемого, пока он находится в статусе свидетеля.

Именно при привлечении свидетеля к уголовной ответственности за заведомо ложные показания (ст. 307 УК РФ) наиболее часто в основу уголовного дела кладётся ранее вынесенный в отношении иного лица приговор. В связи с этим жалобы граждан в Конституционный Суд РФ на нарушение их конституционных прав ст. 90 УПК РФ довольно многочисленны. Так, гражданин В. В. Удилов просил признать ст. 90 УПК РФ не соответствующей ст. 21 (ч. 1), 46 (ч. 1), 50 (ч. 3), 55 (ч. 3) и 123 (ч. 3) Конституции РФ, так как данная норма «позволила положить в основу приговора по его уголовному делу приговор, постановленный в отношении другого лица по делу, в котором В. В. Удилов выступал в качестве свидетеля, вследствие чего он был лишен ряда процессуальных прав», в частности обжаловать приговор, которому было придано преюдициальное значение². Аналогично в своей жалобе А. А. Бойцов утверждал, что ст. 90 УПК РФ «дала суду возможность принять оценку его свидетельских показаний как ложных, данную в приговоре по другому уголовному делу, за факт, не требующий иного подтверждения»³. Конституционный Суд РФ, отказав в принятии жалоб к рассмотрению, указал, что выводы суда о виновности обвиняемого «должны основываться на всей совокупности исследованных по уголовному делу доказательств», а «признание за вступившим в законную силу приговором преюдициального значения при рассмотрении другого уголовного дела не препятствует правильному и своевременному осуществлению правосудия».

Довольно часто в приговорах судов общей юрисдикции по подобным делам можно встретить утверждение о том, что виновность подсудимого подтверждается совокупностью доказательств, и сравнительно редко суд напрямую ссылается на преюдициальное значение приговора по иному делу. Стороне защиты в такой ситуации практически невозможно доказать, что фактически в основу уголовного дела был положен другой приговор и исследования всей совокупности доказательств не производилось.

Так, в апелляционной жалобе осуждённый по ч. 1 ст. 307 УК РФ Ч. указал, что в обвинительном заключении и приговоре суда нигде не указывается, в чём заключается ложность его показаний, суд ссылается только на то, что при-

² Определение Конституционного Суда РФ от 24 марта 2015 г. № 728-О // Конституционный Суд Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision194343.pdf> (дата обращения: 30.08.2024).

³ Определение Конституционного Суда РФ от 24 октября 2013 г. № 1534-О // Конституционный Суд Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision143975.pdf> (дата обращения: 30.08.2024).

говором Сунтарского районного суда Республики Саха (Якутия) от 23 сентября 2019 г. Н. признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 160 УК РФ. Апелляционная инстанция, подчеркнув, что выводы суда о виновности осуждённого основаны на совокупности доказательств, перечислила в своём постановлении данную совокупность, которая состояла лишь из протокола судебного заседания и судебных решений по делу Н., а также показаний секретаря судебного заседания по делу Н. о предупреждении Ч. об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний. Оставив жалобу без удовлетворения, суд указал, что вступивший в законную силу приговор суда по делу Н., которым показания свидетеля Ч. признаны недостоверными, имеет преюдициальное значение⁴.

В другой апелляционной жалобе в защиту осуждённой по ч. 1 ст. 307 УК РФ адвокат указала, что суд первой инстанции, «делая вывод о том, что в силу ст. 90 УПК РФ установлена заведомая ложность показаний, не учел, что приговором фактически установлена лишь критическая оценка показаний свидетеля, а не их заведомая ложность», а содержание решения сводится к перечислению обстоятельств, установленных приговором в отношении другого лица. Отвергая данные доводы, апелляционная инстанция подчеркнула, что «факт дачи Ч. заведомо ложных показаний в суде в качестве свидетеля подтвержден протоколом судебного заседания», «подвергать переоценке выводы суда по оценке доказательств, в том числе показаний свидетеля Ч. как недостоверных, не имелось ни правовых, ни фактических оснований»⁵. Постановлением Третьего кассационного суда общей юрисдикции апелляционное постановление оставлено без изменения⁶.

Между тем в судебной практике есть примеры иного подхода к решению обозначенной проблемы, который представляется более приемлемым.

Так, президиум Свердловского областного суда в постановлении от 15 марта 2017 г. № 44У-18/2017⁷ поддержал изложенные в кассационной жалобе доводы адвоката о том, что суд неправомерно сослался как на доказательство вины Ч. на вступивший в законную силу приговор в отношении иного лица, при том что Ч. в данном деле участвовал в качестве свидетеля. Президиум, отменяя апелляционное определение, указал, что судебное разбирательство в рамках ст. 252 УПК РФ в отношении Ч. не проводилось, «постановленный же в отношении других лиц приговор не может предрешать виновность лица,

⁴ Апелляционное постановление Верховного суда Республики Саха (Якутия) от 2 марта 2021 г. по делу № 22-291/2021. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SODV&n=137411#vNTmfMU1djhNC4JA> (дата обращения: 30.08.2024).

⁵ Апелляционное постановление Архангельского областного суда от 18 февраля 2022 г. № 22-0277/22. URL: https://oblsud--arh.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=20101979&case_uid=3b92e32d-c00f-45e3-b504-25e265192edf&delo_id=4&new=4 (дата обращения: 30.08.2024).

⁶ Постановление Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 13 октября 2022 г. № 77-2785/2022. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ003&n=70686#GKfyfMUY9cmEelnj1> (дата обращения: 30.08.2024).

⁷ Постановление президиума Свердловского областного суда от 15 марта 2017 г. № 44У-18/2017. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RASVR&n=112369#DrkyfMUcIk7zLMSK1> (дата обращения: 30.08.2024).

не участвующего в качестве обвиняемого в рассматриваемом уголовном деле, о чем прямо сказано в статье 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и постановлениях пленумов Верховного Суда РФ «О судебном приговоре» от 29 апреля 1996 года и 29 ноября 2016 года». В данном случае представляет интерес утверждение суда о том, что в ст. 90 УПК РФ и в действующем постановлении Пленума ВС РФ «прямо сказано» о невозможности предрешения постановленным в отношении других лиц приговором виновности лица, не участвующего в качестве обвиняемого в рассматриваемом уголовном деле.

Аналогично Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ в апелляционном определении от 28 августа 2019 г. № 205-АПУ19-22 указала, что «постановленный по уголовному делу приговор в отношении определенного лица... за преступление в отношении [погибшего] не может предрешать вопрос о виновности или невиновности другого лица... которое в качестве обвиняемого по этому делу не привлекалось»⁸.

Представляется интересным также обоснование решения Седьмого кассационного суда общей юрисдикции об оставлении апелляционного оправдательного приговора без изменения. По мнению прокурора, изложенному в кассационном представлении, суд апелляционной инстанции пришёл к неверному выводу об оправдании Г. по ч. 1 ст. 307 УК РФ, поскольку вывод суда первой инстанции о виновности Г. был основан только лишь на копии приговора в отношении иного лица и не было приведено иных доказательств. В обоснование своего представления прокурор указал, что «доказывая суда апелляционной инстанции сводятся к недостаточности доказательств», «суд апелляционной инстанции фактически обязывает проверить законность и обоснованность выводов, изложенных во вступившем в законную силу приговоре суда, что противоречит правилам преюдиции, установленным ст. 90 УПК РФ». Суд кассационной инстанции, не соглашаясь с доводами представления, указал, что «выводы суда первой инстанции о том, что для наличия в действиях Г. состава преступления достаточно лишь установления недостоверности его показаний вступившим в законную силу приговором суда, являются неверными. Иных доказательств суд первой инстанции не привел, свидетелей, которые могли бы подтвердить или опровергнуть версию Г., не допросил». Таким образом, приговором суда первой инстанции фактически была установлена «лишь недостоверность показаний свидетеля, а не их заведомая ложность», которая достаточной совокупностью представленных доказательств не была подтверждена⁹.

Данная позиция отражена и в определениях Конституционного Суда РФ. Так, в одном из них подчёркивается, что суд не вправе «при рассмотрении

⁸ Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 28 августа 2019 г. № 205-АПУ19-22. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=600397#bBzzfMUUBIAz9RH01> (дата обращения: 30.08.2024).

⁹ Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 5 марта 2021 г. № 77-651/2021. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ007&n=26199#r0B4gMUyiTRim7Fz> (дата обращения: 30.08.2024).

уголовного дела считать установленными без дополнительной проверки обстоятельства, ранее признанные приговором по делу, в котором данное лицо *не привлекалось к уголовной ответственности* (курсив наш. – Д. Ш.)»¹⁰. В последние годы также появилось несколько определений с подобными положениями. В определениях от 30 января 2020 г. № 206-О и от 29 сентября 2020 г. № 1958-О отмечено, что «не могут иметь преюдициальное значение для решения вопроса о виновности обвиняемого по уголовному делу обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором суда *по другому уголовному делу или в отношении иных лиц* (курсив наш. – Д. Ш.); не могут они и предрешать выводы суда, осуществляющего судопроизводство по уголовному делу, в отношении лиц, *виновность либо невиновность которых этим приговором не устанавливалась и не была признана* (курсив наш. – Д. Ш.)»¹¹. В определении от 28 декабря 2021 г. № 2680-О Конституционный Суд РФ подчеркнул, что «по смыслу статьи 90 УПК РФ приговор суда не может предрешать виновность лиц, не участвовавших ранее в рассматриваемом уголовном деле *в качестве подсудимых* (курсив наш. – Д. Ш.)»¹².

С появлением данных решений Конституционного Суда РФ на них стали ссыльаться суды общей юрисдикции, отрицая преюдициальность приговора в отношении лиц, участвовавших в данном деле в качестве свидетелей¹³, однако далеко не во всех подобных делах.

Таким образом, на данный момент нельзя сказать о наличии устоявшегося подхода в правоприменительной практике к решению обозначенной проблемы. Довольно часто ст. 90 УПК РФ органами предварительного расследования и судом толкуется буквально с целью использования института преюдиции для предрешения виновности лиц, участвовавших в другом уголовном деле в качестве свидетелей. Не единичны случаи указания в обвинительных заключениях по делам таких лиц в числе доказательств, подтверждающих обвинение, приговоров, вынесенных в отношении иных подсудимых, а также показаний свидетелей по иным уголовным делам.

¹⁰ Определение Конституционного Суда РФ от 25 января 2012 г. № 36-О-О. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=252136#Drk4gMUGxLWd0fJq> (дата обращения: 30.08.2024). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

¹¹ Определение Конституционного Суда РФ от 30 января 2020 г. № 206-О. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=616784#CqJDgMUVmHQrdEGE> (дата обращения: 30.08.2024). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей ; определение Конституционного Суда РФ от 29 сентября 2020 № 1958-О. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=642509#WVq5gMU24OEBOUSr> (дата обращения: 30.08.2024). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

¹² Определение Конституционного Суда РФ от 28 декабря 2021 г. № 2680-О. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=696939#ny8AgMUI5RFvs9bF1> (дата обращения: 30.08.2024). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

¹³ Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 13 июня 2023 г. № 77-2025/2023. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ002&n=108938#dmyBgMIUiKFtrlu32> (дата обращения: 30.08.2024) ; определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 21 сентября 2023 г. № 77-4369/2023. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ001&n=144429#wzsCgMUQmXlH4l7N> (дата обращения: 30.08.2024).

Безусловно, целями института преюдиции являются в том числе ускорение процесса доказывания и процессуальная экономия, однако они не должны превращаться в самоцель и осуществляться в ущерб таким фундаментальным принципам уголовного судопроизводства, как презумпция невиновности и обеспечение права на защиту.

Думается, главной причиной противоречивости судебной практики в данном случае является несовершенство уголовно-процессуального закона. На основании изложенного нам представляется целесообразным дополнить ст. 90 УПК РФ следующим положением: «...такие приговор или решение не могут предрешать виновность лица, не участовавшего ранее в рассматриваемом уголовном деле в качестве обвиняемого».

*Воронежский государственный университет
Шилова Д. А., магистрант*

*Voronezh State University
Shilova D. A., Master's student
E-mail: diana.shii@yandex.ru*